Электронный журнал

«Наследие Еврейской автономной области»

Выпуск № 1

История населенных пунктов Еврейской автономной области на страницах газеты «Биробиджанер штерн» и других местных средств массовой информации

Биробиджан
2020

Электронный журнал «Наследие Еврейской автономной области». Выпуск № 1.

В первом выпуске журнала Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук и общественная организация по изучению и сохранению исторического и культурного наследия Еврейской автономной области «Наследие ЕАО» совместно с газетой «Биробиджанер штерн» отобрали газетные статьи о населенных пунктах нашей области, их прошлом и настоящем, истории их жителей. Приглашаем вас, дорогие читатели, совершить путешествие по городам и селам автономии, не выходя из дома.

УЧРЕДИТЕЛИ:
Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук;

Общественная организация по изучению и сохранению исторического и культурного наследия Еврейской автономной области;

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Гуревич Валерий Соломонович
РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ: Новикова Юлия Михайловна

При воспроизведении материалов ссылка на журнал обязательна.

© ИКАРП ДВО РАН
© ОО «Наследие Еврейской автономной области»
© Газета «Биробиджанер штерн»

Издано с использованием средств гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предусмотренного Фондом президентских грантов

СОДЕРЖАНИЕ

Пашково: вехи истории……..4
В селе о юбилее не забыли……...7
Станица Раддевская и другие……...8
Генерала Венцеля станица……11
На старой станции сойду……..15
От Сололи до Облучья……...17
«Село мое под сопочкой…»……22
Как поднимали Бирское поле……25
Колыбель по имени Бирофельд……33
Дважды рожденный……41
Здесь жизнь не остановилась……45
Так начинался Соцгородок……49
Так начинался Биробиджан……53
Сто девятый год Казанки……61
Совсем не красный Красный Восток……65
Мы из Найфельда……70
У нас легко дышится……77
Село орденоносных женщин……84
От казачьей станицы……...89
Родная наша Белгородчина……93
И город такой молодой……97

Пашково: вехи истории

160 лет назад в последние майские дни 1857 года на высоком живописном берегу Амура была заложена казачья станица Пашкова, ставшая первым русским поселением на территории будущей Еврейской автономной области

Между тем общеизвестно, что сплошная русская колонизация Среднего Амура началась годом позже, когда 19 мая 1858 года был подписан Айгуньский договор. Это позволило тогдашней Российской империи и Китаю провести территориальное размежевание на Дальнем Востоке, согласно которому пустынное левобережье Амура перешло во владение России, а линией границы между обоими государствами стал фарватер Среднего Амура.

Левобережье Амура было почти безлюдным

Вернемся, однако, к теме наших заметок – истории нынешнего села Пашково. В мае сразу после схода льда на Амуре в 1857 году были двинуты вниз по реке первые три сотни сформированного из забайкальцев Амурского казачьего полка. Всего в течение 1857 года на территории будущей Амурской области (от устья Зеи до устья Хингана) было основано 16 казачьих поселений, в том числе Усть-Зейская (будущий Благовещенск), Иннокентьевская, Казакевича, а также Пашкова. Со стороны Китая протеста этой колонизации не было, что объясняется просто. Огромная территория левобережьего Амура была пустынной и практически безлюдной, если не считать нескольких десятков мелких стойбищ, где жили местные аборигены – гольды, тунгусы, бирары, манегры. По оценке хабаровского историка профессора В. Кабузана, общая численность амурского этноса в тот период не превышала трехсот человек. Если и встречались здесь китайцы, то крайне редко – это были беглые нарушители китайских законов или мелкие торговцы, закупавшие у тех же гольдов пушнину. Одним словом, никакого государственного интереса к той местности у Китая не было, поэтому начало колонизации Приамурья прошло спокойно, без намека на конфликты.

«Увлекал людей в неведомые земли»

Казачья станица, заложенная в версте от впадения в Амур горной реки Хинган, получила название Пашкова, в честь енисейского воеводы Афанасия Филипповича Пашкова. Он был в числе русских первопроходцев, вышедших на верхний Амур в середине XVII века. Там, где стоит село его имени, воевода не был, но утверждение заслуг предводителя дружины исторически считать оправданным. Человек необыкновенной отваги, он решительно увлекал за собой людей в неведомые земли. И по выражению протопопа Аввакума, «прекословия не терпел». Присвоить станице имя этого незаурядного человека распорядился в том же 1857 году губернатор Восточной Сибири Н.Муравьев.

А как выглядела тогда станица Пашкова? Первое ее описание можно найти в сборнике писателя и путешественника С.Максимова «На Востоке. Поездка на Амур» (С.-П, 1864 г.). Вот несколько зарисовок об этой станице: «В Пашкова – 23 дома. За домами очень много орешника. Он уже устилает все зады станицы и берега небольшой речки Хингана, протекающей в версте от селения. Река шумлива и бешена в полную воду, рыбная – в тихую.

Позади станицы и сейчас за домами пришелся луг – болотистый и водяной в том месте, которое подошло широкой ямой к берегу Амура. Змей около станицы много; водятся змеи всюду: и через Амур плывут, и по хребтам ползают. В хребте, позади станицы, водятся соболи, которых казаки сбывают купцам проезжим за пять-шесть рублей серебром, а самых лучших – за восемь-десять рублей.

В свою очередь, и сами казаки скупают их у гольдов. За соболя прежде давали одну штуку дабы (китайская матерчатая ткань), а теперь давай две штуки».

Не менее любопытное и более детальное описание Пашкова есть в сборнике еще у одного русского писателя и путешественника Г.Грум-Гржимайло «Описание Амурской области» (С.-П 1894 г.).

Он побывал в станице через тридцать лет после Максимова и вот какой увидел ее:

«В станице есть часовня, хлебный магазин, почтовая станция, питейное заведение, торговая лавка, одна водяная и две конных мельницы. Жителей – 198, казаков. Земли у них 3910 десятин (четыре тысячи гектаров), из них под

действительными посевами 103 десятины, в том числе: ярицы (рожь) – 32, яровой пшеницы – 33 и овса 38 десятин. Скота казаки содержат: 195 лошадей (144 – рабочих), рогатого – 196 (60 коров и 56 быков и волов) и свиней – 51.

Дома построены из строевого леса: кедра, отчасти лиственного. Крыши делаются из теса и драни. Кирпич выделывается из местной глины, но идет только на печи. Топливо готовится из сосны и березы. Селение построено просторно, пожаров не бывало. При каждой усадьбе – огород. Разводится картофель, капуста, огурцы, редька, брюква. Садоводство совсем не развито.

Казаки занимаются охотой на разных диких зверей вследствие близости лесов, но большей частью лишь для своего употребления. Рыболовство же для казаков служит промыслом: осенью – неводами, а весной – снастями».

Через год после водворения на Амур казаков Пашкова ниже по течению великой реки было заложено еще семнадцать казачьих станиц, в числе которых были Помпеевская, Екатерино-Никольская, Пузиновская, Михайло-Семеновская, занявших в общей площади почти 500 километров только что утвержденной российско-китайской границы. Все годные к строевой службе казаки в возрасте от 18 до 55 лет были зачислены в состав Первого Амурского пешего казачьего батальона. Пашковцы так же, как и их сослуживцы других станиц, несли охранную службу на границе, ходили в дозоры и секреты, пресекали попытки контрабанды. В их обязанности входили заготовка дров для пароходов, перевозка почтовой корреспонденции в Благовещенск, Хабаровск и обратно, охрана телеграфной линии между этими городами. Все казаки должны были содержать строевых лошадей, выходить на смотры и учения в военной форме и со своим личным оружием – винтовкой и шашкой.

Понятно, что в теплое время года, с мая по октябрь, казаки занимались хлебопашеством, полностью обеспечивая себя овощами и хлебным зерном. Дополнительные продукты питания давала тайга. В ней тогда было полно дичи, и добыть мясо копытных животных и пушнину не представляло особого труда. Что касается рыбалки, то Амур в тех местах изобиловал осетрами и калугой, не считая частиковых видов рыб. В Хингане добывались таймени, ленки, хариусы… Значительная доля рыбного промысла вывозилась пашковцами на продажу на Сутарские и Хинганские золотые прииски.

Размеренная и благополучная казачья жизнь, которой были довольны станичники, оборвалась в 1917 году после Октябрьского переворота. Казаки, как и другие народы, были вовлечены в братоубийственную Гражданскую войну – одни на стороне красных, другие – белых. Когда взяла верх советская власть, часть казаков Пашкова, а также других станиц, эмигрировала в соседнюю Маньчжурию.

В селе о юбилее не забыли

Станица, переименованная в советский период в село Пашково, в новейшей истории достигла экономического, культурного, социального расцвета в период с 1930-х по 1980-е годы. В его биографии есть одна интересная деталь. Где-то в середине тридцатых годов в Пашково было одновременно три колхоза: «Амурский пограничник», состоявший в основном из старожилов, «Ройтер штерн», основанный еврейскими переселенцами, и колхоз им. Третьего Интернационала, в котором трудились корейцы, переселившись сюда из села Благословенное. Старожилы выращивали зерновые культуры и разводили скот, евреи занимались овощеводством и бахчеводством, корейцы выращивали рис и славились как мастера огородничества. Позже артели объединились, оставив за укрупненным колхозом название «Амурский пограничник». К 1970-м годам в Пашково проживала уже тысяча человек.

Село считалось, если можно так выразиться, самым культурным поселением в Облученском районе: прекрасный Дом культуры, богатая библиотека, коллектив художественной самодеятельности, который приглашали на гастроли как в районы области, так и за ее пределы. В Пашково имелись прекрасная средняя школа, где была даже своя теплица, больница на двадцать коек, стоматологический кабинет. Кажется, только в этом селе находилась в то время чайная с широким выбором вкусных блюд.

Многие годы в Пашково размещалось районное отделение «Сельхозтехники», которое обслуживало также соседние села – Башурово, Радде, Заречное. Овощеводы в сезон выращивали до двух тысяч тонн продукции – картофеля, помидоров, огурцов, капусты и других культур. Колхозное стадо насчитывало около тысячи дойных коров и молодняка. Славилась бывшая казачья станица домашним пчеловодством, которым увлекалось большинство сельчан.

Конечно, не вина пашковцев, что от былого благополучия в селе мало чего осталось. Почти вдвое сократилась после разрушительных 1990-х годов численность населения. Несколько мелких фермерских хозяйств не могут обеспечить занятость сельчан, и многие из них существуют за счет приусадебных участков и мелкого животноводства.

Тем не менее жители этого старинного села уверены, что Пашково будет все-таки развиваться и хорошеть. Здесь помнят о юбилейной дате своего первого на территории будущей автономной области села. Этому событию будет посвящен праздник, намеченный на август нынешнего года. Как сообщили в администрации поселения, на юбилейные торжества будут приглашены не только жители, но и гости из соседних сел и районной администрации.

Виктор Горелов

Опубликовано в газете «Биробиджанер штерн» 31.05.2017

Станица Раддевская и другие…

У десяти приграничных сел ЕАО в мае текущего года значимая дата — все они возникли ровно 155 лет назад, в 1858 году, в числе первых казачьих станиц на Среднем Амуре

Несмотря на будние дни 28-29 мая, Хабаровск отме-чает собственный юбилей — 155 лет с момента основания города. Именно в эти дни тогда к правому берегу Амура неподалеку от впадения в него реки Уссури причалил небольшой караван баркасов и плотов, на сушу высадилась рота капитана Дьяченко, сформированная из солдат и нижних офицерских чинов одного из сибирских линейных батальонов. Капитан Дьяченко получил приказ от генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Муравьева заложить в приустье Уссури поселение Хабаровку с тем, чтобы затем превратить его в город, который будет иметь важное значение для русской колонизации Среднего Амура и Уссурийского края.

Хабаровчанам можно по-хорошему позавидовать. Этот и предыдущие юбилеи краевого центра всегда отмечаются, что называется, по первому разряду. А ведь в эти же майские дни, в том самом 1858 году, были заложены первые 18 казачьих станиц на среднеамурской пограничной линии, огибающей сейчас южные пределы ЕАО. Правда, не все из первых станиц сохранились, но десять из них, имеющие ныне статус приграничных сел, существуют до сего дня. Вот список этих сел: Радде, Екатерино-Никольское, Пузино, Нагибово, Квашнино, Дежнево, Кукелево, Ленинское (бывшее Михайло-Семеновское), Воскресеновка, Головино. Юбилейные торжества в названных поселениях где-то уже прошли, где-то только намечаются. Время для этого не ушло — весь год можно с полным правом считать для них юбилейным, хотя, как говорится, дорога ложка к обеду. Может быть, устроителям праздников сгодится данная публикация, в которой хотя бы в общих чертах описывается начальный период истории будущей автономной области.

1858 год — это массовый сплав примерно 500 казаков и двух тысяч солдат сибирских линейных батальонов. Сплавляясь с Верхнего Амура на Средний, высаживались на обозначенных уже вехами в местах будущих станиц. Первой из них, примерно в 40 километрах ниже по Амуру от устья Хингана, вблизи которого уже в 1857 году стояла станица Пашковская, казаки и солдаты заложили станицу Раддевскую. Именно так велел назвать ее генерал-губернатор Н.Муравьев, высоко оценив труд русского ученого-натуралиста Г.И.Радде, изучавшего здесь флору и фауну Малого Хингана. Раддевская сразу же была назначена центром Раддевского казачьего округа. Еще две станицы — Екатерино-Никольская и Михайло-Семеновская — стали центрами одноименных казачьих округов. Во всех трех

окружных станицах позже были построены штабы, арсеналы для хранения оружия и боеприпасов, амуниции, а также заложены первые православные храмы. Все три названных округа вошли в подчинение штаба Первого Амурского пешего казачьего батальона. Поначалу местом дислокации была назначена станица Михайло-Семеновская, а позже штаб был перенесен в ст. Екатерино-Никольскую. К сожалению, имя первого командира батальона установить автору не удалось, а несколько лет спустя им командовал Яков Чеснок, дослужившийся до звания полковника.

Некоторое представление о тогдашних станицах можно почерпнуть из книги очерков петербургского писателя Сергея Максимова «На Востоке. Поездка на Амур». Литератор побывал в станицах батальона в 1863 году, и через год в Санкт-Петербурге вышел из печати этот сборник. Думается, сегодняшним читателям будет любопытно узнать, что представляла собой через пять лет после основания станица Раддевская. Вот что рассказал о ней С.Максимов (сохранены стиль и орфография первоисточника).

«Станица Раддевская прислонилась к двум горам — отрогам Хингана, между которыми образовалась падь: каменистая, с пещерами — как выразились казаки. Поля пошли влево, вверх по реке по низменности. Избы бревенчатые, станица большая, место выбрано удачно. Хинган правого берега невысок, одинаковы с ним горы и левого берега. Казаки распахали пашню, осенью (с Покрова) ходили в хребты за соболями (штук около 200 упромыслили). Скот станичный несколько подошел, потому что проходивший в прошлом году скот все потравил: и траву, и сено. Особенно туго и трудно поправляется тот скот, который приплавлен был на казенных паромах. Всходы по весне были хороши, но теперь хлеб в стрелу пошел, оттого-де, что все засуха стоит, ни одного дождя не видали. Из зверей белок стало меньше: оттого-де, что в прошлом году был малый урожай на кедровые орехи. Много волков: обижают (режут) скотину, особенно в настоящее весеннее время. Охотясь по зиме, видали следы тигров и барсов (барс — прежнее название леопарда — прим. авт.), но немного…»

Если заметки Максимова носят описательный характер, то побывавший в станице Раддевской русский ученый-путешественник Григорий Грум-Гржимайло дал уже социально-экономическую характеристику казачьего поселения. Его заметки были опубликованы в 1894 году. К этому времени в Раддевской числилось уже 498 жителей (мужского пола — 289). В станице было 65 дворов, были церковь, школа с 52 учащимися, станичное правление, хлебный магазин, соляная стойка, питейное заведение, четыре лавки, 11 водяных и две конных мельницы, почтовая и телеграфная станции. Земли у раддевских казаков было в отводе в общей сложности

1906 десятин (одна десятина — 1,09 га — прим. авт.), в том числе под пашней находилось 428 десятин. Скота у казаков было: лошадей — 440, рогатого — 438, свиней — 161, овец почему-то всего 4…

Жителям нынешнего села Радде, в котором и сейчас живет немало потомков первых казаков, есть с чем сравнить нынешнее состояние своих хозяйств с теми, какие были у их предков. Кстати, общее число жителей Радде по сравнению с 1894 годом особо не изменилось и насчитывает примерно столько же человек.

Виктор Горелов. Опубликовано в газете «Биробиджанская звезда» 29.05.2013

Генерала Венцеля станица

160 лет назад, в 1854 году, был организован первый русский сплав по Амуру, который возглавил губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев. На весь длительный период сплава он оставил за себя губернатора Иркутска Карла Венцеля. Через четыре года в его честь была названа одна из среднеамурских станиц

В декабре 2013 года в нашей газете был опубликован очерк под заголовком «Станицы генеральского звания». В нем говорилось об именных станицах Кукелево и Михайло-Семеновской (сейчас село Ленинское), основанных в 1858 году во время четвертого амурского сплава, которым руководил генерал-губернатор Восточной

Сибири Н.Н.Муравьев. Указывая места расположения всех восемнадцати станиц на Среднем Амуре в пределах будущей ЕАО, Николай Николаевич давал каждой из них название. Одни были поименованы в честь первопроходцев Амура XVII века, в частности станицы Нагибово, Квашнино, Пашково, Головино, Степановское. Три казачьих поселения – станицы Кукелевская, Михайло-Семеновская и Венцелевская – получили имена его ближайших сподвижников, активных организаторов и участников всех четырех амурских сплавов в период с 1854 по 1858 гг. – генералов Михаила Семеновича Корсакова, Болислава-Виктора Казимировича Кукеля и Карла-Бургарда Карловича фон Венцеля.

Если о Корсакове и Кукеле в очерке «Станицы генеральского звания» рассказывается достаточно подробно, то о Карле Венцеле было упомянуто вскользь за неимением биографических сведений о нем. Сейчас у автора появилась возможность рассказать о русском немце фон Венцеле более подробно.

НЕМЦЫ НА СЛУЖБЕ РОССИЙСКОГО ОТЕЧЕСТВА

Карл Карлович был не единственным немцем из высших чинов во второй половине XIX и начале XX века, занимавших видные служебные посты на громадной территории Восточной Сибири, в состав которой тогда входили нынешние Забайкалье, Приамурье и Приморье. Так, военными и гражданскими губернаторами Приамурья и Приморья были в разные годы И. Фуругельм, Г. Эрдман, П. Унтербергер, Н. Буссе, А. Оффенберг, А. Корф, А. Кроун. Вероятнее всего, их предки обосновались в России еще в петровские и екатерининские времена, верно и честно служа русскому отечеству. Об этом свидетельствует и биография Карла Венцеля. Он был выходцем из династии баронов, о чем говорит приставка «фон» к его фамилии.

Родился он в 1797 году, образование получил в одном из военных училищ С.-Петербурга, которое закончил в 1814 году, и начал службу в свите его Императорского Величества (будущий Генеральный штаб). Первое воинское звание прапорщика получил в 20-летнем возрасте. В 1828-1829 гг. участвовал в сражении с турками, в боях отличился храбростью, за что был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. В 1851 году в его биографии произошел коренной перелом – Карла Карловича назначили военным губернатором столицы Восточной Сибири г. Иркутска и иркутским гражданским губернатором, где в августе 1855 года он получил воинское звание генерал-лейтенанта. Видимо, тогдашний губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев высоко оценил деловые качества Венцеля и оставил его полномочным заместителем в мае 1854 года, отправляясь в полугодовую экспедицию первого амурского сплава. Потом Венцель замещал его еще трижды в последующие сплавы. В 1858 году на географической карте России

появилось название казачьей станицы Венцелевская на Амуре в 600-х километрах ниже Благовещенска.

«ДОБРЕЙШИЙ КАРЛ КАРЛОВИЧ»…

Таков послужной список одного из сподвижников графа Муравьева-Амурского. Между тем о Карле Карловиче, как личности, имеется, кажется, всего один документальный источник – записки М.Венюкова «Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии», изданные в Хабаровске в 1970 году. Автор записок, будучи еще 25-летним прапорщиком, участвовал в двух амурских сплавах, являясь одним из приближенных людей Муравьева-Амурского. Оставив службу в звании генерал-майора, Венюков занялся научной работой как географ и этно-граф. В зрелом уже возрасте проникся демократическими идеями А.Герцена, тайно сотрудничая в его журнале «Колокол», а потом вообще эмигрировал в Европу. Вольнодумство и критическое отношение к царскому самодержавию нашли частичное отражение в его воспоминаниях об амурской эпопее 50-х годов. Это выразилось в нелестных оценках ближнего окружения Н.Муравьева. В их числе оказался и иркутский губернатор Венцель. Вот какую характеристику дал ему автор первой книжки о путешествии по Амуру. «При воспоминании о нем (Венцеле – авт.) у меня невольно родится улыбка. Добрейший Карл Карлович, которого Муравьев называл в шутку Карл Смелый, был совершеннейший нуль, несмотря на то, что фигура его напоминала худощавую единицу. Вся цель его жизни, если она только имелась, состояла в том, чтобы не сделать никому зла, но и это ему не удавалось. Раз, в припадке напускной генеральской свирепости, он так накричал на члена сибирской ученой экспедиции астронома Зондгагена, что тот умер от внезапного прилива крови к сердцу и голове. Простодушный, искренний испуг Венцеля при этом был так велик, что его жалели едва не столько же, как и убитого им астронома. По какому-то инстинкту он догадывался, что народу тем хуже, чем больше бумаг выходит из губернских или всяких других канцелярий, а потому ратовал против большого числа и особенно многоречия разных «входящих и исходящих номеров». Это была бы очень хорошая точка зрения, если бы он умел сознательно держаться на ней, но, к сожалению, этого не было, и в результате получалась одна административная бестолочь. Чиновники иногда бывали в отчаянии от него.

— Что вам угодно? — спрашивает Венцель одного столоначальника, почтительно стоявшего с толстым портфелем в руках.

— Да вот, ваше превосходительство, бумаги нужно подписать по контрольной части.

— А, контроль? Терпеть не могу контроля. И что это вы не вовремя изволили пожаловать? Теперь пора обеда, а не возиться с этой дрянью…

Чиновник, который был любимцем Венцеля и его жены и который ежедневно у них обедал, сконфуженно направляется за дверь, а Венцель продолжает вслед ему посылать сердитые замечания, а потом удивляется за обедом, что такой-то отсутствует. Жена справляется, узнает, в чем дело, и на другой день извиняется за мужа перед обруганным… Вероятно, за такую разумную и плодотворную деятельность, а точнее — за полное бездействие и, стало быть, отсутствие оппозиции, Муравьев не только держал Венцеля на немаловажном посту, но и украсил его Белым орлом по поводу заключения в 1858 году Айгунского договора, хотя Венцель даже не бывал на Амуре, а присоединению его если чем содействовал, то разве тем, что разорил в том же году три волости на Ингоде и Ононе, заставляя крестьян доставлять в казну хлеб для амурского сплава по 60 копеек за пуд и в количестве, какое едва ли было в запасе у них самих».

КАЗАКИ НУЖДЫ НЕ ЗНАЛИ

Поначалу станица Венцелевская была заложена на самом берегу Амура, однако на второй или третий год ее едва не снесло в реку мощным августовским наводнением. Казаки не стали дальше испытывать судьбу и перенесли станицу на девять километров дальше от берега на пологий склон невысокой сопки, что придало ей привлекательный вид. В 1895 году в ней побывал исследователь Приамурья ученый Грум-Гржимайло. Вот какой тогда он увидел Венцелевскую. В его записках говорится: «Венцелевская станица расположена в Амурской долине, у подножия горы, на речке Венцелевке, впадающей в Биджан. Она основана в 1858 году переселенцами из Забайкалья. Дворов – 94, церковь, школа, два хлебных магазина, мелочная лавка, одна водяная и две конные мельницы, почтовая станция. Жителей – 758. Земли у них в отводе до 10 000 десятин (гектаров – авт.), а в действительном пользовании – 3075 дес., в том числе усадебной и выгонов – 614, сенокосной – 1540, пахотной – 670. Под посевами: ржи – 182 дес., пшеницы – 157, овса – 193, ячменя – 6 и гречихи – 132. Есть сады при шести дворах. Скота казаки держат: лошадей – 700 (554 рабочих), рогатого – 1020 (700 коров), свиней – 317, овец – до 80».

Из этого можно сделать вывод, что казаки были зажиточными людьми вплоть до 1918 года. Потом пришло лихолетье Гражданской войны, которое, впрочем, не было особо разрушительным для станицы. Венцелевцы занимались единоличным крестьянским трудом до начала коллективизации уже в Биробиджанском еврейском национальном районе. В селе был организован колхоз, который позже был преобразован в сов-хоз. В начале уже нынешних 90-х годов Венцелево вновь стало

колхозным селом с одноименным названием колхоза «Венцелевский». Правда, он существовал недолго и самоликвидировался, как и многие другие коллективные хозяйства автономии. Сейчас в селе насчитывается 430 жителей, часть из них занята в единственном фермерском хозяйстве. Остальные живут доходами с личных подворий.

Возможно, прочитав этот очерк, потомки первых венцелевцев узнают что-то новое из истории своего села.

Виктор Горелов. Опубликовано в газете «Биробиджанская звезда» 19.11.2014 г.

На старой станции сойду

В феврале 1913 года на Восточном участке строящейся Амурской железной дороги была заложена еще одна станция, получившая название Известковая

Правда, поначалу она имела другое наименование – Торокилан. Именно так еще за три года до начала строительства участка в очерке Записок Императорского Русского Географического общества ее назвал генерал-губернатор Приамурья П.Ф. Унтербергер. Этот просвещенный начальник Приамурского края позаимствовал данное словосочетание у гольдов, проявив уважение к этой малой коренной народности. На гольдском (нанайском) языке оно означает изображение сказочного богатыря, покровителя удачной охоты, рыбной ловли, а также здоровья. Однако мудреное и тяжелое для русской речи слово было вскоре заменено. Станцию назвали Известковая, поскольку в этом месте было несколько известняковых сопок. Кстати, из этого минерала скоро стала выжигаться известь самого высокого качества.

После сдачи в эксплуатацию восточного участка Амурской магистрали Известковая, а также соседние с ней станции Облучье, Бира, Лондоко, Будукан стали быстро развиваться технически. Росли пристанционные поселения. В середине 1930-х годов станция Известковая вошла в так называемую империю ГУЛАГа (Главное управление лагерей). К началу массовых политических репрессий в поселке Известковом была создана исправительно-трудовая колония, в которой содержались главным образом сотни заключенных, осужденных по политическим статьям. Они были заняты на заготовке древесины, добыче известняка, обслуживании крупного подсобного хозяйства лагеря, где производилась сельскохозяйственная продукция. Однако главным объектом работ заключенных являлось строительство железнодорожной ветки Известковая – Чегдомын. После сдачи ее в эксплуатацию Известковая получила статус узловой станции, какой является и поныне.

Вскоре после кончины Сталина лагерь в Известковой расформировали, а на месте бывшего подсобного хозяйства заключенных был создан совхоз «Известковый», который просуществовал до 1990-х годов.

Кустарная добыча Бираканского мрамора. Середина 1930-х годов

Такова вкратце хроника исторических событий этого крупного поселка Облученского района. Сейчас в нем насчитывается почти 1950 жителей. Как и за весь более чем столетний период основным производством здесь остаются железнодорожные службы, обеспечивающие бесперебойную работу крупного железнодорожного узла на Транссибирской магистрали. К Известковой приписана путевая машинная станция по ремонту и содержанию закрепленного за ней главного хода Транссиба, а также примыкающей к нему Чегдомынской ветки.

Уже много лет на станции работает разгрузо-погрузочная площадка Кульдурского бруситового рудника. На данном горнодобывающем предприятии, которое находится в 20-ти километрах от поселения, заняты более ста человек. Коллектив рудника отгружает через станцию на Урал, а также на экспорт сотни платформ с огнеупорным материалом высочайшего качества. В текущем году, к примеру, рудник должен поставить своим потребителям более трехсот тысяч тонн брусита. Часть трудоспособного населения поселка обеспечена работой на Кимкано-Сутарском горно-обогатительном комбинате, который находится неподалеку от Известковой. Решен вопрос с финансированием строительства здания нового железнодорожного вокзала…

В общем, сегодняшним известковцам есть, что вспомнить из прежней истории и есть что рассказать о дне нынешнем.

Виктор Горелов

Опубликовано в газете «Биробиджанер штерн» 1.03.2018

От Сололи до Облучья

Около ста лет назад одна из станций строящегося Восточного участка Амурской железной дороги получила свое второе название — Облучье. Сегодня это второй по значению город ЕАО

Первым же названием станции было Сололи, что в переводе с гольдского (нанайского) означает «вверх по течению». Так назывался крупный приток реки Хинган, берущий начало с предгорья Сутарского хребта и впадающий в нее в нескольких километрах южнее Облучья. Правда, не очень понятно, почему первостроители станции не дали ей название Хинган или Хинганская, заложив ее на левом берегу, тогда как до Сололей как минимум час-полтора пешего хода. Но как бы там ни было, а вплоть до 1914 года она носила свое первое название. И лишь когда вырисовался на местности профиль железнодорожного пути, напоминающий огромную петлю, похожую на облучок извозчичьей пролетки (был тогда такой легкий колесный транспорт), по чьей-то прихоти станцию переименовали. Кстати, в мемуарах А.Герцена «Былое и думы» читаем: «Ямщик сидел на облучье». Так что облучок и облучье имели в тогдашней России равное понятие.

Начало биографии

До того, как получить и поныне существующее название, станция уже имела почти три года своей биографии. Первая команда рабочих с тремя путейскими техниками прибыла на точку закладки будущей станции в июле 1911 года. Команда высадилась с парохода сначала в станице Пашковской, перегрузила на телеги купленные перед рейсом в Хабаровске палатки, продовольствие, инструменты, вещи и, наняв в станице несколько казаков-проводников, тронулась в путь на Хинган. Первую половину почти 40-километрового маршрута будущие облученцы преодолели по дороге, ведущей от ст.Пашковской до Сутарских приисков. Потом началось полное бездорожье. Местами приходилось прорубаться сквозь мелколесье, форсировать вброд многочисленные ключи и речушки, и лишь к исходу вторых суток команда достигла указанного на карте места базы на берегу Хингана.

Сохранились воспоминания одного из участников той экспедиции — старшего рабочего-путейца Александра Мулина, присланные им в 1965 году из Свердловска в облученскую газету «Искра Хингана». Автор описал, в том числе, первую ночевку на новом месте. Измотанные тяжелой дорогой и духотой, люди даже не стали ставить палатки, а улеглись спать прямо на траву у берега реки, благо ни мошки, ни комара с наступлением темноты не стало. Однако через два-три часа из тайги потянуло таким холодом, что пришлось перебираться на телеги, кутаться в теплые одежды, а кое-кто вообще разжег костры. Оказалось, что первый лагерь строителей расположился на обширном участке вечной мерзлоты, которая держалась еще несколько лет и постепенно исчезла, когда был вырублен на ней весь древостой.

Через хребты и гиблые болота

Вслед за первой командой на будущий Облученский участок магистрали стали прибывать тем же путем из ст. Пашковской новые группы рабочих и специалистов для прокладки полотна однопутной рельсовой дороги и строительства Облученского тоннеля. Год спустя форсированными темпами началась прокладка последнего участка Амурской магистрали от Облучья до Хабаровска протяженностью почти 350 километров. Были заложены в 1912 году станции Лагар-Аул, Кимкан, Торокилан (будущая станция Известковая), Бира, Тихонькая, Икура, Ин, Ольгохта, Волочаевка, Покровка. Узловыми станциями с оборотными паровозными депо были назначены Облучье, Бира, Ин. Всеми работами на замыкающем участке Амурской магистрали (ее общая протяженность составляла около 2200 километров) руководил талантливый инженер-путеец А. Ливеровский, а прокладкой облученского участка — В. Коссаковский. Стоит ли говорить, насколько трудной была работа строителей, прокладывающих магистраль через горные хребты, гиблые болота с бездонной трясиной, через многочисленные водотоки?! И они совершили без преувеличения подвиг — в начале февраля 1914 года были завершены основные работы на всем участке магистрали от Облучья до Покровки, а 17 марта того же года Государственная Дума приняла законопроект о вводе в эксплуатацию Амурской железной дороги от Сретенска до Хабаровска.

На подъеме

Сданная в эксплуатацию магистраль дала толчок ускоренному экономическому развитию территории, отведенной через три десятилетия для создания Еврейской автономной области. Было заложено три десятка станций с пристанционными поселками, и вскоре здешнее население практически удвоилось. В наиболее крупных поселках, таких как Биракан, Бира, Кимкан, в самом Облучье, Николаевке были основаны довольно крупные предприятия по обработке древесины. Транспортная доступность обусловила резкое увеличение добычи россыпного золота на Сутарском и Хинганском месторождениях драгоценного металла. Общее число приисков достигло двух десятков. Большая часть из них принадлежала крупным золотопромышленникам Хабаровска, Благовещенска, Читы и даже Иркутска.

Если до ввода магистрали сельское хозяйство почти на 100 процентов принадлежало казакам Амурского войска, то с 1914 по 1918 год возникло несколько десятков крестьянских хозяйств, основанных переселенцами из западных губерний России и левобережной Украины.

В этот же период быстро стал строиться первый на территории Приамурья курорт «Кульдур» с применением для лечения горячей азотно-кремнистой минеральной 6537 воды. Богатейшие таежные урочища Малого Хингана давали местному населению возможность получать неплохие доходы от продажи на вывоз кедрового ореха, рыбы, в частности калуги, осетра, осенней кеты, а также пушнины, мяса изюбрей, лосей, косуль. Знаменитый писатель и путешественник Владимир Арсеньев, побывавший на угольных копях вблизи поселка Бира, описал один из видов охоты, о котором ему рассказали местные жители. По их словам, численность табунов косуль, ежегодно мигрирующих с севера в южную часть Среднего Амура, достигает тысячи особей. Промысловики даже не стреляют их, а убивают увесистыми дубинами. Конечно, этот варварский способ добычи мяса употреблялся лишь несколько дней в году. Основным же зверовым промыслом являлась заготовка пушнины, в первую очередь соболей, а также лисиц, енотов, белок. В начале 60-х годов автору этих заметок удалось побеседовать со стариком Иннокентием Быковым, который с 1910 до начала 20-х годов жил профессиональной охотой. Он

рассказывал, что в этот период самолично добыл в урочищах Сутарского хребта около двух десятков тигров. Может, дед и приврал, но, скорее всего, не намного — тигры в Малохинганской горной системе не были редкостью, так же как и леопарды.

Был и свой Невский проспект

Вернемся, однако, на станцию Облучье. С открытием сквозного движения по Амурскому участку Транссиба пристанционный поселок стал быстро расти. Хаотичную застройку первой поры начали замещать улицами с добротными казенными и частными домами. Кстати, первая улица, по воспоминаниям А.Мулина, была названа Невским проспектом. Скорее всего, шутки ради — среди инженерно-технического персонала было несколько выпускников Петербургского технологического университета.

В 1915 году был объявлен конкурс на строительство в Облучье каменных зданий паровозного депо и железнодорожных мастерских. В депо одновременно можно было ставить на ремонт шесть паровозов. И всего к Облученскому узлу было приписано около двадцати локомотивов, обеспечивающих перевозку составов на перегонах Облучье-Бира и Облучье-Архара. В те же годы были основаны вагоноремонтный пункт, телеграфный участок, дистанция зданий и сооружений, а также дистанция пути. К началу Октябрьской революции в России численность населения Облучья достигла двух тысяч человек. Следует отметить, что облученцы, как и основной состав железнодорожных предприятий Амурской и Уссурийской железных дорог, заняли сторону большевиков в отличие от местных амурских казаков, в своей массе не принявших советскую власть.

Огонь братоубийственной Гражданской войны минул Облучье — боевых действий здесь не было. Известен лишь один факт сопротивления японским интервентам: когда встала угроза их вторжения на станцию, железнодорожники собрали в сплотки все имеющиеся паровозы и перегнали их в Забайкалье. Есть также свидетельство, что часть облученских железнодорожников вступила в партизанский отряд Воробьева (имя, отчество неизвестны), находившийся в окрестностях Кульдура. Правда, документальных сведений о боевых действиях этого отряда обнаружено не было. О том, что такой отряд все-таки был, рассказывали участники Гражданской войны из Облучья.

Город стал районным центром

Практически не пострадавший в годы Гражданской войны железнодорожный узел в полном объеме обеспечивал продвижение составов по закрепленному за ним 1002участку Транссиба. Быстро рос сам поселок, в том числе за счет притока сельского населения с Амурской полосы и первых партий переселенцев из западных районов РСФСР. К 1927 году в Облучье проживало уже около трех тысяч человек.

Год спустя Облучье приняло первых еврейских переселенцев. На его западной окраине для них был построен небольшой поселок, который и ныне именуется Еврейским. Многие из переселенцев освоили профессии железнодорожников, трудились на других предприятиях. В Облучье хорошо были известны фамилии: Спиваков, Шерман, Трегубов, Мардер, Кушнир, Сигалов, Барабак, Литвак и другие.

К 1938 году число жителей в поселке достигло почти десяти тысяч и он стал самым крупным поселением тогдашнего Бирского района ЕАО с административным центром в поселке Бира. В этом же году Облучье получило статус города. К этому времени в нем уже располагалось Облученское отделение Дальневосточной железной дороги. Уже тогда в органах власти автономии заговорили о том, что нужно перенести районный центр из Биры в Облучье. Пока шли согласования, началась Великая Отечественная война, вопрос был снят с повестки дня, и лишь в 1945 году он был решен положительно — Бирский район переименовали в Облученский с переводом в город железнодорожников всех служб административного и партийного управления. Территория нового района заняла более 13 тысяч квадратных километров из 36 с небольшим кв. км всей площади автономии. Численностью населения Облученский район взял «верх» над четырьмя другими районами нашей области — к середине 70-х годов его население превысило 45 тысяч человек.

Самым весомым был и экономический потенциал района. Его обеспечивали комбинат «Хинганолово», Теплоозерский цементный и Лондоковский известковый заводы, несколько крупных лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий, Бирский и Облученский пчелосовхозы, ну и, конечно, второй по объемам перевозок после Хабаровска Облученский железнодорожный узел.

К сожалению, уместить, даже коротко, историю Облучья и Облученского района в одной публикации, конечно же, невозможно. Остаются, как говорится, за кадром провальные 90-е годы, резкое снижение экономического потенциала с ликвидацией ряда крупных и мелких предприятий, сокращение численности населения в Облучье и на территории всего района. Однако есть надежда, что этот процесс будет все-таки остановлен. В районе завершается строительство крупнейшего на Дальнем Востоке

Кимкано-Сутарского горнообогатительного комбината, начинают расти объемы выпуска цемента, брусита. Облученский железнодорожный узел является одним из важных звеньев ДВЖД, обеспечивая бесперебойные грузо-пассажирские перевозки на своих перегонах. Жизнь продолжается.

Фото Ефима ВЕПРИНСКОГО и из архива г. Облучья
Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 26.06.2013

«Село мое под сопочкой…»

Одно из старейших поселений области — Венцелево — было основано 155 лет назад

Ох, и красивы места, где уютно расположилось Венцелево! Из-за крутых подъемов и зелени не видно порой домов, а улицы ступеньками карабкаются от центральной дороги под самую сопку.

Крайняя из них так и называется — Горная. Отсюда село как на ладони, и такие просторы открываются, что дух захватывает: блестит вдалеке река, тянутся к горизонту бескрайние леса и поля, а над всем этим — ярко-голубой или тревожно-серый купол неба…

Этими красотами жители Горной любуются когда пожелают — только выгляни в окно. А для кого-то они становятся вдохновением. Вот и строчка в заголовке взята из стихов одной из ее жительниц — Татьяны Лесковой.

Семья Лесковых — это доброе, красивое, творческое и бесконечно трудолюбивое лицо села. Леонид Калинович, супруг Татьяны, с тридцатых годов прошлого века, то есть с самого своего рождения, живет в этом старинном, основанном казаками селении. Здесь вырос, работал в колхозе, потом совхозе, отсюда ушел на пенсию. И сюда после армии привез жену-красавицу, певунью, художницу.

Нина Семенникова тоже уже много лет живет на Горной и никуда отсюда уезжать не собирается, как и Лесковы. На лето к ней приезжают дети, внуки, здесь есть все, к чему она привыкла, с чем уже срослась. И таких старожилов в селе немало.

Находится это небольшое село вдали от больших дорог, может, поэтому люди здесь более открытые, добросердечные и гостеприимные.

Впрочем, это сегодня оно стало небольшим. А ведь было время, когда Венцелево считалось одной из самых многонаселенных станиц в округе. Основано оно было, как и многие станицы и хутора на Амуре, 155 лет назад, в 1958 году. Вначале это был хутор с 37 дворами, а спустя почти полвека, в 1901 году, народу здесь проживало на сто человек больше, чем в главной станице уезда — Михайло-Семеновской. Только к 1917 году уступило ей Венцелево первое место. Но и тогда здесь проживало 1220 человек! Несколько послереволюционных лет село даже было центром Венцелевской волости.

Прадед Леонида Лескова Мефодий прибыл на плотах по Амуру в эти живописные места в числе первопроходцев-казаков. И дед его Иван, и отец Калина родились уже здесь, в Венцелево. Увы, не так уж много потомков первых переселенцев можно сегодня встретить в бывшей казачьей станице, названной, по одной из версий, в честь иркутского генерал-губернатора К. Венцеля, а по другой версии — в честь сотника Г. Венцеля, который был родным братом генерал-губернатора и адъютантом генерал-майора Б. Кукеля.

Еще задолго до революции открыли в селе школу, где училось до семидесяти ребятишек. Семьи у венцелевцев тогда были многодетными, иметь по пять-шесть и больше детей было нормой.

Пережило село коллективизацию: здесь было два колхоза — «Дальний Восток» и имени Сталина. Пережили репрессии — в 30-е годы около пятидесяти самых работящих мужиков, в числе которых был и Калина Лесков, объявили «врагами народа» и забрали из семей. Почти никто из них не вернулся обратно. Пережили раскулачивание — на спецпоселение было отправлено двадцать две семьи. Пережили войну — 48 ушедших на фронт односельчан полегло на полях сражений. Пермины, Гусевы, Корякины, Гавриловы, Гончаровы, Лесковы, Лопатины — многие эти фамилии не по одному разу выбиты на обелиске, который был установлен в центре села в 1975 году, к 30-летию Победы. Деньги на памятник собирали сами жители, а его проект создал Марсель Вуцыло — учитель местной школы. Строили обелиск тоже сообща. Теперь это одно из красивейших мест села.

Трудолюбием венцелевцы отличались всегда. Одно время здесь работал председателем колхоза Федор Ватутин, ставший потом Героем Социалистического Труда.

— Колхозы у нас богатые были, выращивали все свое — от зерна до овощей. А сколько меду получали! Скотины в каждом дворе не по одной голове было, — вспоминал сельский ветеран Василий Вялых.

Потом был здесь крепкий совхоз Венцелевский, которого не стало в 90-е годы.

И кто знает, чем бы жили сегодня многие жители села, если бы не взял на себя тяжелейшую ношу фермера бывший пограничник Николай Еськов. Вот уже десять лет его небольшой коллектив снабжает кормами личные подсобные хозяйства сельчан. Коровы, лошади здесь ходят прямо по улицам, никого не смущая, как в больших поселках, и порой они — единственный источник дохода в семье.

Фермерство Еськову дается нелегко. Его хозяйство считается одним из лучших в районе. Этой весной управились с севом зерновых чуть не первыми в области. Как говорится, глаза боятся, а руки делают…

И семья у фермера дружная. Семейный уклад в селе имеет особое значение — ведь сообща здесь выживать намного легче. Полину Еськову, жену Николая, мы встретили в детском саду, где она, педагог дополнительного образования, готовила ребятишек к предстоящему районному конкурсу «Радуга талантов». Много лет трудилась Полина Петровна в подростковом клубе села, сейчас ведет кружок. Акробатические номера,

которые она готовит со своими маленькими воспитанниками, много лет восхищают жителей села и района.

Заботы о доме Полина, как истинная жена фермера, в основном взяла на себя, понимая, что надежный тыл не менее важен для мужа, чем фронт бесконечных сельскохозяйственных работ и забот.

Обидно, что люди уезжают из сел, особенно отдаленных. И сегодня в Венцелево проживает всего около четырехсот человек — в три раза меньше, чем было сто с лишним лет назад.

Но списывать со счетов село пока еще рано. Хотя бы потому, что сохранили здесь детский сад, который есть кому посещать, сохранили школу, Дом культуры и библиотеку. Как сохранили и надежду на то, что их родное село будет стоять на земле еще не одно столетие.

Светлана КОРОТИНА, Ирина МАНОЙЛЕНКО
Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 13.06.2013

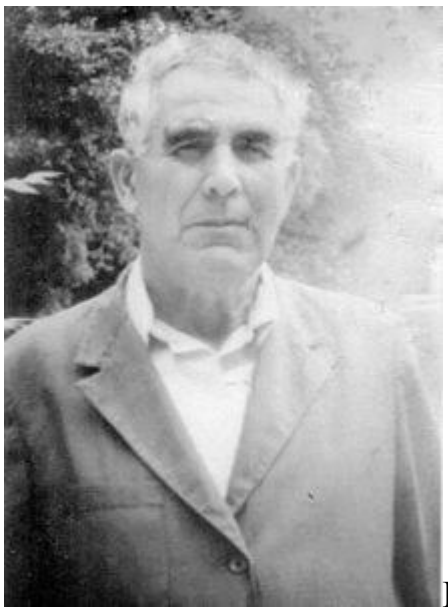
Как поднимали Бирское опытное поле

Фото из открытых источников
1929 год. Часть усадьбы Бирского опытного поля

Ровно 90 лет назад, 28 марта 1928 года, вышло постановление Президиума ЦИК СССР о закреплении за КомЗЕТом свободных земель в приамурской полосе Дальневосточного края для нужд сплошного заселения еврейскими трудящимися

Если бы те, кто принимал это постановление, были хоть немного провидцами, они не стали бы торопиться его узаконивать – уж слишком тяжелым, одним из самых неблагоприятных был этот самый 1928 год. В конце мая выпал снег и наступили совсем не весенние холода, лето оказалось настолько дождливым, что реки и речушки вышли из берегов и были затоплены поля, луга, дороги… Можно представить настроение первых переселенцев, приехавших осваивать «благодатные земли Приамурья». Добрая половина из них, не выдержав погодных и прочих испытаний, вернулась обратно, а тех, кто все это мужественно перенес и остался, я бы причислила к разряду героев. Но они были всего лишь первостроителями.

Драма Нохема Борека


Нохем Борек

Одна из комнат небольшой квартиры музыканта Валерия Даниловича Борека-Яковлева в старенькой хрущевке, что недалеко от хабаровского вокзала, похожа на небольшой музей. Стены сплошь увешаны фотографиями, многим из них больше века. Дед Валерия Даниловича по отцу до революции смог получить высшее образование и имел целую сеть аптек на Украине. А деду по матери Нохему Бореку, тоже жившему на Украине в еврейском местечке Терновка, советская власть так и не помогла выбраться из постоянной нужды. Поэтому в 1928 году он без раздумий отправился с первым переселенческим эшелоном на Дальний Восток. «Терять ему было нечего», – так определил поступок деда внук. И добавил: «Я бы на такое вряд ли решился».

Известно, что в 1928 году еще не был окончательно определен административный центр будущего еврейского образования. И не станцию Тихонькая хотели поначалу сделать таковым, а строящийся Бирофельд – Бирское опытное поле. Потому большинство первых переселенцев направлялись именно туда, за пятьдесят с лишним километров от Тихонькой. Не стал исключением и Нохем Борек.

– Дедушка очень неохотно рассказывал об этом периоде своей жизни, уже много позже от бабушки, прожившей долгую жизнь, узнал, с какими трудностями пришлось ему столкнуться в этом Опытном поле, сколько всего пережить, – поделился Валерий Данилович.

В книге Иосифа Бренера «Лехаим, Биробиджан!» в главе «Первый переселенец» приводится рассказ Григория Добина, в котором Нохем Борек представлен главным героем. Приведу отрывок из него:

«…Нохем с товарищами на весь коллектив получил четыре лошади, плуги, бороны, ящики, ведра, различные продукты. И стали они готовить телеги, упряжь. 3 июня поехали вчетвером на Опытное поле занять хорошее место. Самым тяжелым был кусок дороги от Тихонькой до сопок. Уже в дороге их накрыл дождь. К вечеру они вообще заблудились, подъезжая к Алексеевке. Над Бирушкой стоял туман, а на другом берегу еле были видны огни, палатки. Сколько ни кричали, никто так и не откликался. Решили вернуться обратно.

Дорога к Бирскому опытному полю

Смертельно уставшие, приехали на Опытное поле. Навстречу им вышел товарищ Финкельштейн (агроном КомЗЕТАа – авт). Принесли бедолагам еды, переговорили, и предложил он им ехать заселяться на озерный надел – мол, лучшего места не найти, так красиво все расписывал. Приехали они туда под проливным дождем, а там уже смоленская группа в палатках сидит и опять расписывает красоту этих мест. А дождь не прекращает лить. Стали под дождем ставить палатку, сильно страдая от укусов комаров, которые не отстают, даже несмотря на ливень. Так долго они мучились, пока самые молодые и крепкие не начали ругаться, едва не плача.

Только на третий день дождь прекратился, и Нохем с товарищами поехал на Тихонькую за остальными. Дорога после дождя туда и обратно – непроходимая. С трудом они преодолели этот путь. Собрал их всех Финкельштейн на короткое собрание и сказал: «Мы даем вам, товарищи, все. Но мы хотим, чтобы вы показали, как можете работать: просто так мы вам ничего не дадим».

Вскоре приехавшие включились в заготовку леса для строительства. Но с наступлением тепла и мелких дождей становилось все больше комаров, от укусов которых распухли лица, руки и ноги. Строить дальше не было сил. Стали возить продукты с Тихонькой в Опытное поле, чтобы как-то продержаться, пока не прекратятся дожди и комар не будет таким злым. Дорога в оба конца длилась пять-шесть суток, и то в лучшем случае».

Кто-то из земляков Нохема уехал обратно, он уехал тоже – только не на Украину, а в другое место, повыше, где меньше топит. По дороге пала лошадь – оказалось, что это сибирская язва. В тот год началась настоящая эпидемия этой болезни и именно Нохему поручили сжигать и закапывать трупы павших от сибирской язвы лошадей. За каждую платили 60 рублей. Если верить автору рассказа, то в тот год от эпидемии погибло в районе Опытного поля около пятисот лошадей.

Через четыре года Нохем перевез в Опытное поле из Украины семью, а в 1935 году Бореки переехали в Биробиджан. Там у дочери Нохема, ставшей учительницей, и появился на свет сын Валерий.

– Дед пережил настоящую жизненную драму в те годы, но никогда не жаловался на жизнь и не жалел, что приехал на Дальний Восток. Говорил, что именно здесь почувствовал себя нужным человеком, – вспоминает Валерий Данилович.

Посланец Тимирязевской академии

В двенадцатом номере журнала «Трибуна» за 1932 год был опубликован некролог, посвященный памяти ученого, профессора Леона Иозефовича:

«Из далекой Алма-Аты пришла скорбная весть о смерти этого молодого энтузиаста, подававшего столь большие надежды ученого.

В 1926 – 1927 годах он был приглашен в качестве почвоведа к участию в экспедиции, направленной КомЗЕТом для исследования Приазовья. А в 1928 году КомЗЕТ обратился к Иозефовичу с предложением стать во главе Бирского опытного поля – первого научного учреждения Биро-Биджана. Он был научным сотрудником Тимирязевской сельскохозяйственной академии, переехавшим в Биро-Биджан.

Больше двух лет Леон Иозефович стоял во главе опытного хозяйства. Организовал научную станцию, проводил громадную научную работу, собрал группу молодых учеников. Работа ученого достигла такой высоты, что в 1930 году Всесоюзная сельскохозяйственная академия имени Ленина приняла решение о переводе ее в Амуро-Уссурийскую зональную станцию. Там выращивались бобовые культуры, рис, сахарная свекла, волокнистые и огородные культуры, изучался состав почв, климатические и метеорологические условия. Его главный научный труд – книга «Агропочвенная характеристика Биробиджана». Он также составил почвенную карту Биро-Биджана.

В 1931 году Иозефович переехал в Казахстан, но с Биро- Биджаном связи не терял, хотел вернуться, но тяжелая болезнь не дала».

О Леоне Иозефовиче я впервые узнала более тридцати лет назад, когда попала в село Опытное Поле. «У нас тут большой профессор жил, из самой Москвы приехал. А за ним другие ученые потянулись», – рассказывал один из старожилов. Профессором этим и был, как оказалось, Леон Иозефович.

К сожалению, ни в одном источнике не удалось найти биографию ученого. Где и когда он родился, сколько прожил, остается только предполагать. Но то, что Иозефович умер, будучи молодым – неоспоримый факт. В нескольких источниках сообщается, что он жил некоторое время в США, преподавал в американских вузах.

Из выпущенной пять лет назад книги «Биробиджанский проект в научных исследованиях» можно узнать, что Бирское опытное поле возникло не на пустом месте, что еще в 1915 году здесь была организована испытательная станция, но после революции ее работа фактически прекратилась. И когда сюда приехал Леон

Иозефович, ученик известного профессора Вильямса, Бирское поле ожило. Тем более что его заместителем стал небезызвестный Борис Брук.

Перво-наперво ученый начал изучать местные почвы, проводил исследовательскую работу о возможности культивирования здесь пшеницы, ржи, овса, ячменя, сои, гороха, кукурузы, сахарной свеклы, картофеля и других сельскохозяйственных культур. Отъезд Л.Иозефовича в Казахстан сказался на работе станции, она перешла в ведение животноводческого треста, который преобразовал ее в краевую испытательную станцию молочного хозяйства, из-за чего заметно уменьшились объемы ранее начатых научных исследований.

Между тем вскоре после отъезда Иозефовича бюро райкома ВКП(б), рассмотрев вопрос о работе Амуро-Уссурийской опытной станции (бывшее Бирское опытное поле), констатировало, что она является пока единственным научно-исследовательским учреждением в довольно большом по природным условиям районе и проводит работы, превышающие обычную деятельность опытных станций. В резолюции было рекомендовано улучшить изучение природных условий района и научно обосновать коренное улучшение тех переселенческих фондов, которые в настоящее время могут быть вовлечены в крупное социалистическое земледелие.

Задача была поставлена не просто большая, а неподъемная – вовлечь в сельскохозяйственный оборот 1 миллион 390 тысяч гектаров земли, из них 740 тысяч гектаров пашни. Увы, даже в лучшие советские годы пахотных земель было почти в пять раз меньше.

Райкомовцы в той же резолюции настоятельно предлагали изучить и ввести в хозяйственный оборот такие промышленные культуры, как клещевину, арахис, кенаф, канатник.

Отмечались и недостатки, в числе которых – отсутствие после отъезда Иозефовича руководителя, отвечающего задачам станции.

Тогда-то и решили реорганизовать Амуро-Уссурийскую опытную станцию, задав ей животноводческое направление работы.

В 1932 году станция пережила еще одну реорганизацию – по решению Всесоюзной сельскохозяйственной академии на ее базе был создан Биробиджанский комплексный научно-исследовательский институт. Предполагалось, что он будет разбит на девять отделений: по организации хозяйства и экономики, агротехникум, зоотехникум, маслодельное и агрохимическое отделения, отделения по исследованию почвы и технической пропаганды. Помимо этого институт должен был создать собственное хозяйство и организовать в колхозах и совхозах 12

наблюдательных пунктов. Чтобы выполнить столь обширную программу, планировалось привлечь в институт 42 научных работника, 28 специалистов средней квалификации и четыре квалифицированных профессора. Уже в то время на станции работало несколько иностранных специалистов – переселенцев из Литвы, Франции, Германии и Бельгии.

Далеко не всем планам суждено было осуществиться, но довоенные годы были для Биробиджанского научно-исследовательского комплексного сельскохозяйственного института самыми продуктивными. Здесь работало 35 научных сотрудников, почти все имели ученую степень.

В тридцатые годы приехал сюда работать Меер Борисович Ставчанский – на Украине он, выпускник Одесской агрошколы, был председателем крепкого колхоза.

– Но партия призвала отца ехать поднимать Дальний Восток и он поехал. В Опытном поле стал заместителем директора сельскохозяйственной станции, – вспоминает его сын Галик Ставчанский. – Жизнь там буквально бурлила, столько было интересного. Опыты проводились не только на полях – в селе имелся большой сад с великолепными сливами, грушами, малиной разных сортов. В 1942 году отца призвали в армию, а до этого он передал в помощь фронту все облигации, отнес теплые вещи. Так поступили многие работники станции. Когда в 1945 году отец вернулся, его место было занято, и мы вскоре переехали в Биробиджан. Но воспоминания о годах жизни в Опытном поле у меня остались самые теплые.

Незадолго до войны директором института стал Григорий Ильич Эльбаум – говорят, он был одним из учеников профессора Иозефовича.

К сожалению, в нашей области нет ни одного памятного знака о первом руководителе Бирского опытного поля Леоне Иозефовиче, который смог за короткий срок так много сделать для развития сельскохозяйственной науки на Дальнем Востоке. Его заслуги недооценены. И эту несправедливость не поздно исправить.

«Считать удовлетворительным результатом»

Переселенческое удостоверение. 1928 год

В Государственном архиве ЕАО сохранилось много любопытных документов о первых годах еврейского переселения на Дальний Восток. Это и документы Бирско-Биробиджанского переселенческого управления народного комиссариата земледелия СССР, и протоколы заседаний КомЗЕТа, и общие ведомости о движении переселенцев, а также их личные карточки и анкеты, и материалы о привлечении еврейского населения к сельскохозяйственному труду.

Сохранились и воспоминания первых переселенцев. Вот какой увидел один из них станцию Тихонькая:

«Довольно интересная картина предстала на станции Тихонькая. Большая площадь была покрыта палатками, расставленными в ряды. Недалеко от площади база, где переселенцы могут получить лошадей и необходимый инвентарь. В Тихонькой мы долго не задержались – нас отправили в Бирское опытное поле».

Еще одна запись – о пребывании в Бирском опытном поле:

«Когда мы приехали сюда, начались дожди. Как будто небо оказалось продырявленным. Потоки воды беспрерывно лили на головы, заливали луга, дороги, сенокосы. Мы оказались отрезанными от внешнего мира сначала на тринадцать, потом на восемнадцать дней. От сырости, холода и недостатка пищи люди начали болеть…».

Весной и в начале лета 1928 года поднимать Бирское опытное поле, судя по архивным данным, приехало 77 чернорабочих, 182 кустаря, 33 крестьянина, 48

служащих и 10 торговцев. Таким был социальный статус переселенцев. Здесь им пришлось стать строителями, трактористами, земледельцами и животноводами.

Но много было и возвращенцев. Интересен в этой связи еще один архивный документ. В начале 1929 года на бюро Далькрайкома партии рассматривался вопрос о закреплении прибывших еврейских переселенцев. Было принято решение, в котором говорилось: «При неблагоприятных погодных условиях в прошлом году осталось не менее 40-50 процентов переселенцев, что для первого года работы нужно считать удовлетворительным результатом».

Вот так оценила партийная верхушка Дальневосточного края итоги первого переселенческого года.

Бирское опытное поле, став центром еврейского переселения в 1928 году, не смогло по многим причинам стать центром еврейского национального образования – победила-таки станция Тихонькая, ставшая поселком, а потом городом Биробиджаном – столицей Еврейской автономной области.

Ирина Манойленко
Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 29.03.2018

Колыбель по имени Бирофельд

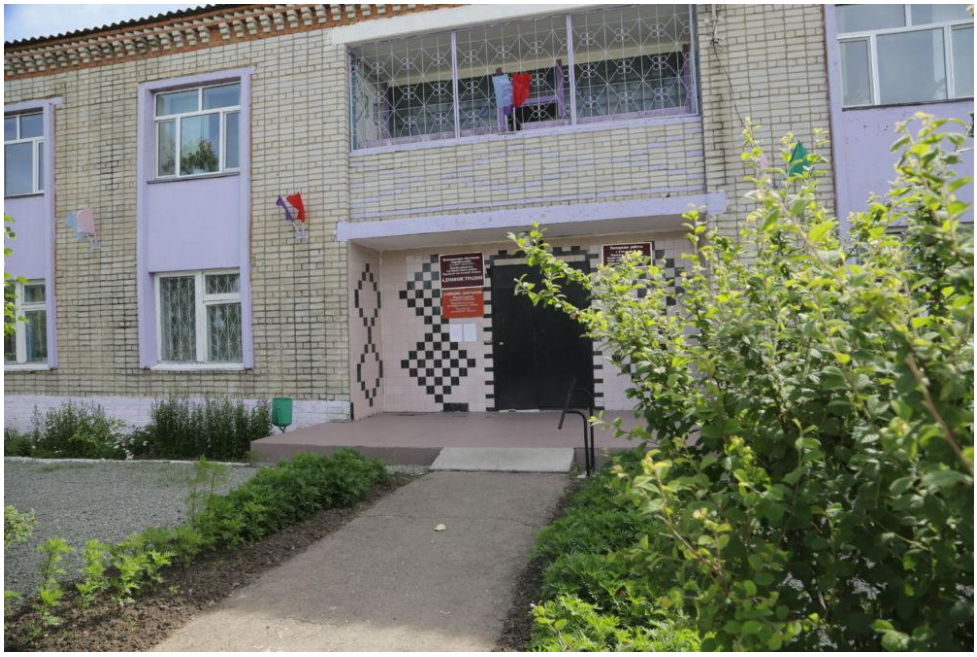


Фото Олега Черномаза
Здание администрации Бирофельдского поселения

Это село, где в июле 1928 года был образован первый на Дальнем Востоке еврейский сельсовет, могло бы стать столицей Еврейской автономной области, но стало лишь центром сельского поселения

Бирофельд, отметивший недавно свое девяностолетие, вошел в историю нашей области как колыбель еврейского переселения на приамурские земли. Именно сюда ехали в основном переселенцы конца двадцатых годов прошлого века. Именно здесь находился первый на территории будущей ЕАО переселенческий пункт – своего рода перевалочная база, откуда шло распределение прибывших новоселов, их устройство.

С идиша на русский язык название Бирофельд переводится как «Бирское поле». Возникло село не на пустом месте. В 1910 году переселенцами из западных областей России в этих краях было основано село Александровка, где по итогам сельскохозяйственной переписи 1917 года насчитывалось 163 жителя и 36 хозяйств.

В начале двадцатых годов из-за засухи и сильных пожаров многие жители покинули это село. К тому времени, когда сюда стали прибывать еврейские переселенцы, здесь находилось с десяток построек, где размещали прибывших. Так начинался Бирофельд.

В историю села вошли две даты – 7 и 8 июля 1928 года, которые назвали праздником пионеров Биробиджанского района. Это были выборы первого еврейского сельсовета на Дальнем Востоке.

Вот как описывала событие девяностолетней давности московская газета «Дер Эмес» в номере за 14 июля 1928 года:

«И вот – выборы первого сельсовета на Бирском поле. Выборы сельсовета, потребительского и кредитного общества проходили при высокой активности. В сельсовет избраны Айзман (из Прикул), Хейман – девушка (из Витебска), Сорокин (из Одессы), Бейнфест, агроном Финкельштейн (Черкассы), Гохман (Минск), Бялый (Гомель), Гершов (Смоленск), Френкель (Черкассы). Кандидатами: Карасин (Глухов), Беркович (Жлобин), Берлин (Ленинград), Залманович (Гомель) и агроном Одинцов.

…Первый пленум Бирофельдского еврейского сельсовета и первое торжество проходили при приподнятом настроении. Из всех участков к Бирскому полю ехали празднично настроенные переселенцы на телегах, верхом, с флагами, музыкой, радостными песнями. В центре двора стоит трибуна, украшенная зеленью, флагами, транспарантами. Возле трибуны, сбоку – два трактора.

… Пением «Интернационала» по-еврейски и по-русски закрывается первый пленум сельсовета. Председателем его избран Айзман, секретарем – Бялый».

Ни имен, ни даже инициалов членов первого еврейского сельсовета в заметке не указано, но известна судьба **Михаила Израилевича Бейнфеста**, переселенца из Белоруссии, чьим первым местом жительства стал Бирофельд. После этого он

работал на руководящих должностях, был директором молочного совхоза в Биробиджанском районе, уполномоченным ЦС ОЗЕТ по ЕАО. В июле 1938 года был арестован и осужден особым совещанием при НКВД СССР по пресловутой 58 статье на 5 лет лишения свободы. И только в 1989 году родственники добились его реабилитации.

Еще один член еврейского сельсовета **Хаим Лейбович Финкельштейн**, переехавший в тридцатые годы в Биробиджан, тоже был осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей как «социально опасный элемент» – именно так было сказано в приговоре. Реабилитировали его в 1956 году.

В истории строительства национальной Еврейской автономной области переселенцы Бирофельда сыграли роль первопроходцев. Именно на их долю выпали самые большие трудности. Лет двадцать назад мне в руки попала выпущенная в начале тридцатых годов в Казани книга о первых переселенцах этого села, в которой приводились такие факты, от которых волосы поднимались дыбом. Казалось, ну не может человек преодолеть без последствий такие трудности, такие тяжелейшие испытания, как гибель урожая от наводнения, мор лошадей, разрушительные пожары. Но проходило время – и Бирофельд воскресал, как Феникс из пепла.

Сеяли бирофельдцы в основном зерновые культуры, растили овощи и картофель. Активно занимались пчеловодством – медоносных угодий в округе было много. Уже в 1931 году здешний колхоз сдал государству 150 центнеров первосортного меда.

Имелась в селе молочная ферма на 260 голов, свиноферма. Был даже свой сыроваренный завод.

К концу тридцатых годов Бирофельд имел вполне цивилизованный вид – для переселенцев было построено шестьдесят двухквартирных домов, функционировали школа, где преподавание велось на идише, детский сад, больница, аптека, ветеринарный пункт и агропункт, баня, работали потребительский кооператив и кредитное товарищество.

Как вспоминали местные старожилы, насыщенной была и культурная жизнь села.

К праздникам обязательно ставили спектакли по пьесам Чехова, Островского и других драматургов. А с поставленным на идише спектаклем «Мэнчн» бирофельдские артисты ездили на смотр в Хабаровск. Рядом с селом находился аэродром, и в местном клубе танцы часто проходили под звуки военного оркестра. В селе имелся радиоузел, работал там комсомолец Ефим Ротенштейн. По радио говорили не только Москва и Биробиджан, но и передавались сельские новости.

Первым директором школы была **Мария Матвеевна Бакман**. В две смены учились дети, а вечером, при керосиновых лампах, занималась молодежь. Идиш был обязательным школьным предметом.

Одним из первых жителей Бирофельда был **Хаим Иосифович Шапиро**, с которым мне довелось общаться при его жизни. Он приехал сюда по переселению из Белоруссии с группой комсомольцев-добровольцев, корчевал землю под пашню, потом выучился на тракториста. После войны был председателем сельсовета, возглавлял школу комбайнеров, а незадолго до пенсии работал прорабом – вот такой был универсал. Бирофельд он покинул лишь в преклонном возрасте, уехав к дочери в Комсомольск.

Натан Федорович Брандман

В конце пятидесятых годов, вспоминал старожил, бирофельдский колхоз имени Кирова и соседний алексеевский имени Кагановича объединили в один Бобрихинский совхоз. Первым его директором стал **Натан Федорович Брандман**, рано ушедший из жизни. А дольше всех руководил хозяйством **Марк Исаакович Гуршпан** – при нем в Бирофельде был построен крупнейший в области животноводческий комплекс, в селе появились благоустроенные дома.

Вначале в еврейский сельский совет входили два села – сам Бирофельд и соседняя Алексеевка. Потом к нему присоединили Опытное Поле, а в 2001 году – села Красивое и Димитрово. В итоге в составе сельского поселения оказалось пять населенных пунктов.

Белла Ефимовна Садова проводит урок истории села

Белла Ефимовна Садова председателем сельсовета избиралась несколько раз, пробыв на этой должности шестнадцать лет. Ее называют живой историей села. Мы побывали на одном из уроков истории, который Белла Ефимовна провела в школьном музее для ребят, отдыхающих на летней пришкольной площадке.

– Скажите, дети, какой праздник отмечало наше село 16 июня?

– День рождения! – отвечают дети в несколько голосов.

– Юбилей, – слышится еще один голос.

– Правильно, юбилей – нашему селу исполнилось 90 лет. А вот на этой фотографии – дом, где находился первый еврейский сельсовет. Теперь посмотрим другие фотографии и постараемся узнать, что на них изображено.

– Это Дом культуры, а раньше там была столовая. Это улица Полевая. Это почта, а это детский сад. Это памятник, его еще называют обелиск. Это наша администрация. Это пожарный пост.

Посмотрели дети, а заодно и мы, макет одного из первых домов Бирофельда, еврейский уголок, где приятно было увидеть книгу о нашей газете «Штерн – звезда заветная».

Урок окончен, ребята разошлись, а мы остались, чтобы расспросить Беллу Ефимовну о своей собственной истории.

– Знаем, что в Бирофельде вы живете много лет…

– Да, уже больше шестидесяти. Сюда я попала в 1956 году по направлению, когда окончила Хабаровское медицинское училище. А родилась – не удивляйтесь – в казачьем селе Дежнево, куда приехала из Белоруссии мама, а с Украины папа. Там их судьба и соединила.

– Каким был Бирофельд, когда вы приехали сюда?

– Он мне сразу понравился. В пятьдесят шестом здесь еще жило много еврейских семей, можно было услышать идиш. Я стала работать медсестрой в детском саду, среди воспитанников тоже было много еврейских детей. Ну а я сама свою еврейскую фамилию «потеряла» – вышла замуж за русского парня, мы вырастили двоих детей. Сын работает на таможне в Нижнеленинском, дочь живет в Хабаровске, мужа я похоронила. В общем, живу одна, но скучать некогда. Вот уже семь лет возглавляю совет ветеранов села, на общественных началах руковожу этим музеем, создала клуб «Поиск», где мы с ребятами копаем глубже историю села, встречаемся со старожилами. И даже в походы ходим – у нас в окрестностях есть интересные места, где тоже спрятана история.

– Сами ребят водите?

– Конечно, сама. Я ведь в доме на земле живу, ноги и руки натренированы – воду носить приходится, огород обрабатывать, печь топить. Как-то попыталась получить

квартиру в доме ветеранов в Биробиджане, написала заявление. Приехала ко мне целая комиссия – дом осматривать. С тем расчетом, что я должна его передать сельской администрации, чтобы потом квартиру получить. Один даже на крышу полез, а она у меня старая, протекать начала.

Я сказала, что дом отдавать не собираюсь, он завещан детям. Так что квартира в ветеранском доме мне не светит. Хотя обидно – столько лет работала, общественными делами много занималась и занимаюсь, а благоустроенного жилья не заслужила.Видно, жизнь так распорядилась, чтобы моей судьбой стал Бирофельд.

Мы прощаемся с живой историей села и ее неугомонной хранительницей Беллой Ефимовной Садовой, желаем ей здоровья и долгой жизни.

Наталья Дмитриева

Едем на улицу Садовую, к **Дмитриевым**. В сельской администрации нам рассказали, что эта семья активно занимается животноводством, причем возглавляет хозяйство молодая дочь хозяев Наталья.

Дмитриевы – семья многодетная, двадцать лет назад родители построили большой просторный дом с расчетом на то, что кто-то из детей будет в нем жить. Но так получилось, что все шестеро разъехались по городам и весям и остались Тамара Борисовна и Николай Васильевич в большом доме вдвоем. Держать хозяйство стало тяжело – здоровье не то. И вот радость – вернулась дочь Наталья. Она, юрист по образованию, жила в городе Ванино, работала в воинской части.

Похожая на подростка девушка оказалась с твердым характером. Зарегистрировала на себя фермерское хозяйство, рядом с родительским домом стала строить собственный.

– Я теперь в своей стихии нахожусь, – делится с нами Наталья. – С детства любила животных, у нас их всегда было много. А сейчас в моем хозяйстве три коровы, восемь телят, двенадцать лошадей – я этих животных просто обожаю – и много-много овец. Правда, я уже не фермер, пришлось перерегистрироваться на личное

подсобное хозяйство – мороки с отчетами меньше. А еще тяжело с выпасами, совсем мало их осталось, так что расширять поголовье будет себе дороже.

Николай Дмитриев

Николай Васильевич по мере сил помогает дочери, для души занимается пчеловодством.

А еще он, как депутат поселенческого совета, участвует в решении проблем села.

– Бюджет поселения у нас небольшой и порой голову приходится ломать, чтобы средств на все хватило, – говорит ветеран.

Вернулась в Бирофельд еще одна дочь Дмитриевых Елена – живет с семьей в старом родительском доме, служит в полиции.

Прощаемся с хозяевами доброго дома, едем на улицу Центральную, к Шевчукам.

– Шестнадцать голов скота держат ! – назвали цифру в администрации поселения. – И усадьба у них ухоженная, одна из лучших. Обязательно навестите их.

Тамара Шевчук

Навестили. Оказалось, что мы знакомы – лет десять назад приходилось писать об этой семье. Хозяйка, Тамара Шевчук, рассказала тогда, как она, горожанка от рождения, втягивалась в сельскую жизнь, переехав к мужу Сергею в Бирофельд.

А сейчас ей одной приходится заниматься и хозяйством, и за мужем ухаживать – Сергей недавно перенес инсульт. Тамара не теряет надежды, что обязательно поднимет его на ноги.

Улица, где живут Шевчуки, главная в селе и самая благоустроенная. Здесь есть дома, куда проведены водопровод и канализация. Строили их в совхозные времена, но все планы осуществить не удалось, наступило другое время, а вернее, безвременье.

Разрушить до основанья имущество бывшего совхоза, к счастью, не удалось. Часть построек бывшего животноводческого комплекса выкупило крестьянско-фермерское хозяйство Елены Хапаль. Вначале там выращивали свиней, теперь содержат дойное стадо и молодняк. Работают на ферме местные жители.

– Я в Бирофельде родился, мать и отец тоже всю жизнь здесь прожили, на совхозной ферме работали, я им помогал с детства. Так что работа мне привычна, зарплата устраивает, уезжать отсюда я не собираюсь, – рассказывает скотник **Сергей Шевченко.**

Татьяна Васильева

Здание бывшей совхозной конторы сейчас занимает администрация Бирофельдского сельского поселения. Пока глава поселения **Мария Ворон** в отпуске, хозяйством рулит ее заместитель **Татьяна Васильева**.

– Я еще помню времена, когда в селе жило много еврейских семей. Когда ходила в детский сад, заведующей была **Сара Соломоновна Бельц**, дети ее просто обожали. Сейчас она живет в Израиле, как и многие другие наши бывшие жители.

По словам Татьяны Александровны, население Бирофельда в последние годы перестало сокращаться, сейчас в селе проживает больше тысячи человек.

– С начала года родилось девять малышей, это уже хорошо. На праздновании юбилея мы целый парад колясок устроили. А еще наше поселение держит лидерство по количеству скота на подворьях и Бирофельд в этом деле впереди, – делится с нами Татьяна Васильева.

По количеству скота Бирофельд в лидерах

В этом году село с 90-летней историей было признано лучшим по итогам областного конкурса. Побывав здесь, мы убедились, что это признание Бирофельд заслужил по праву.

Ирина Манойленко

Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 18.07.2018

Дважды рожденный

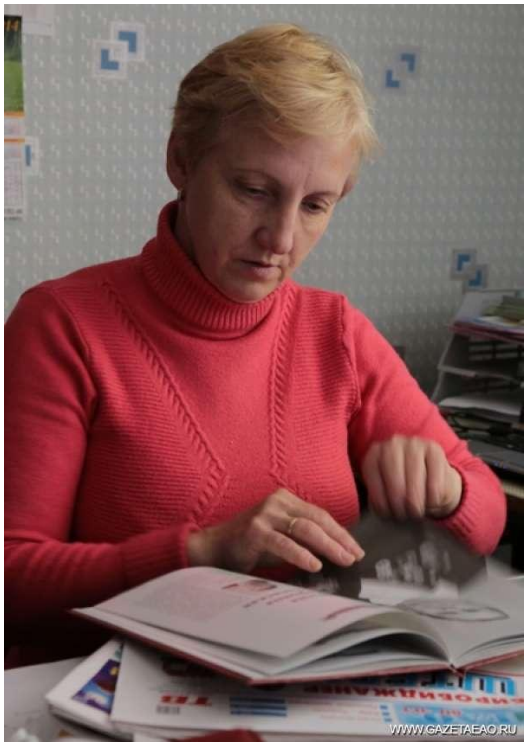
В этом году поселок Бира отметит свое 120-летие. Но долгое время годом его образования считался 1908-й

Хотя, если следовать исторической правде, отсчет начала заселения этих мест надо бы начинать намного раньше, когда здесь появились племена аборигенов-тунгусов. Называли они себя бирары, то есть люди большой воды. Бира, как известно, в переводе на русский значит «большая вода», от нее-то и пошло название живущего на ее берегах народа. Вот только узнать, когда он здесь появился, историкам пока не удалось.

120 лет назад, в1894 году, в этих местах поставили свои фанзы китайцы. Название поселению дали от реки — Бира. К концу 19 века в 4Бире проживало около 400 жителей.

В 1908 году в этих местах появились первые русские переселенцы — братья Бобыревы. И долгое время этот год считался годом рождения поселка.

Места эти оказались на пути прокладки Транссиба. Вначале были построены станционные здания, вокзал, в 1912 году — паровозное депо.



— Железная дорога дала такой мощный толчок развитию поселка, что к 1920 году он стал одним из самых многонаселенных на территории будущей ЕАО, — рассказывает краевед, местный депутат, руководитель культурно-досугового центра Бирского поселения Лидия Алексеева. — А ехали сюда буквально со всех уголков страны. Это можно понять и по фамилиям переселенцев — Земкины, Лысунец, Исуповы, Неморовец, Ивановы, Илюшенко. В 20-е годы в Бире поселились староверы, в 30-е приехали сюда еврейские семьи.

Историей своей малой родины Лидия Александровна заинтересовалась, когда стала работать в областном архиве. По сохранившимся метрическим церковным книгам она восстановила имена тех, кто жил в Бире до революции.

При станции, по словам Лидии Алексеевой, до революции была церковь, находилась она в оборудованном вагончике. И эта церковь на колесах ездила по другим станциям и разъездам, вплоть до Архары, чтобы совершать обряды крещения, венчания, отпевания.

К началу революции Бира была уже довольно крупным железнодорожным узлом. В 1918 году здесь стояли белогвардейские части и войска союзников из Канады и США. В книге «Им не убить идеалы» описывается приезд в Биру американского генерала Вильяма Грефса. Он прибыл сюда из Хабаровска, дабы проинспектировать боеготовность войск.

Бира встретила его тишиной, лишь один часовой лениво похаживал возле казармы.

— Какие у вас обязанности? — спросил генерал.

— Собирать мусор! — отрапортовал часовой.

— А где же военнослужащие?

— Находятся в отдыхающем состоянии, — был ответ.

В общем, американские и канадские военные не рвались в бой. В отличие от японцев, которые жестоко подавляли любой протест против своих действий. В Бире в 20-е годы действовала подпольная организация, ее руководитель Николай Онищенко вместе с женой 12были зверски замучены японцами. Возле вокзала поставили им памятник, а одну из главных улиц поселка назвали улицей Онищенко.

После изгнания японцев Бира стала местом расположения штаба Блюхера. Именно здесь готовился план наступления войск народоармейцев к станциям Ин, Ольгохта и Волочаевка.

Поначалу люди селились в верхней гористой части поселка, которую в народе так и прозвали — Горинцы.

— За все годы, что я тут живу, нас никогда не топило, разве что иной раз подтапливало огороды, когда дожди долго шли, — рассказывает 95-летний старожил Биры Никон Иванович Панычев, приехавший сюда ребенком с родителями-старообрядцами в 20-е годы. — Людей нашей веры тогда много в Биру приехало — сорок семей. А сейчас нас по пальцам одной руки можно пересчитать.

После смерти жены Матрены он живет в доме один. Садит с помощью дочек огород, сам себе варит, в магазин ходит. И молится: в углу вместо телевизора — икона, в столе сложены старые молитвенники. В доме нет не только телевизора, но и радио — от греха подальше. А что в Бире и стране делается, дед Никон узнает от соседей и дочерей.

— Ноги-то еще ходят, а вот сердце скучать не дает, — показывает он на грудь. — «Скорую» приходится вызывать, а едет она долго — с того конца, с Нахаловки.

Нахаловкой местные жители называют нижнюю часть поселка. А почему, растолковал нам еще один старожил поселка Александр Абрамович Штри:

— Когда станцию построили, власти строго-настрого запретили на нижней стороне селиться — болотистое там место было, топило часто. Но народ, несмотря на запрет, нахально захватывал там участки земли, строился. Вот и пошло — Нахаловка.

Родители Александра Штри переселились в Биру из Забайкалья.

— Нас четверо братьев было и сестра. Один я теперь за всех живу. Хоть считаюсь евреем, но идиша не знал никогда, по еврейским традициям и родители мои не жили. В Бире у меня сын Алексей живет и внук — тоже Алексей. Они себя русскими считают.

Улица Калининская, на которой живет Александр Абрамович Штри, находится в самом конце верхнего поселка. Как и улица Ленинская, где проживает Никон Иванович Панычев и где поселилось до войны много его единоверцев. Назвали их улицу в честь вождя будто в насмешку — ведь Ленин был, как известно, воинствующим атеистом. Его соратник Калинин чуть

полояльнее относился к религии, но тоже не очень-то жаловал верующих.

Улица Райисполкомовская — это напоминание о том, что Бира одиннадцать лет была центром самого крупного района автономии. Поселок мог бы стать и птицей более крупного полета — когда решался вопрос, где будет находиться областной центр, рассматривалась в первую очередь кандидатура Биры. К началу 1928 года здесь проживало около пяти тысяч человек — в два с лишним раза больше, чем в Тихонькой, которая в итоге стала центром Биро-Биджанского национального района, а потом и ЕАО.

В 30-е годы в Бире функционировало несколько предприятий — кирпичный завод, пошивочная мастерская, лесозавод, имелась своя электростанция, было две школы, двое яслей и детский сад, восемь магазинов, парикмахерская. А в типографии выпускалась районная газета «Сталинский призыв».

В конце 20-х годов в нижней части поселка развернулось строительство лагерей для заключенных. В состав БирЛага входило одиннадцать лагерных корпусов, где отбывали наказание по политическим и уголовным статьям тысячи заключенных. Большую территорию занимал женский лагерь. Мужчины в основном работали на лесоповале и лесозаводе, женщины шили спецодежду.

Сейчас на месте лагерей находится закрытое лечебное учреждение для осужденных, больных туберкулезом.

Богатые медоносами окрестности позволяли активно развивать здесь пчеловодство. Многие годы в поселке находился Бирский пчелосовхоз, который возглавлял Константин Понизов. Это было единственное хозяйство области, награжденное орденом «Знак Почета». В совхозе имелся большой сад, а о садоводе-мичуринце Иване Недосекине, который выращивал удивительно вкусные груши, до сих пор вспоминают добрым словом.

Имелся в Бире и госпромхоз, который поставлял стране пушнину, кедровые орехи, грибы и другие таежные дары.

В годы войны в окрестностях Биры добывали бурый уголь.

— Запасы его не иссякли, просто не стали осваивать новые месторождения, — поясняет Лидия Алексеева. — А старые шахтные стволы хорошо сохранились до сих пор. И уголь, хоть и считался бурым, а горел не хуже каменного, многих в войну обогрел. Вообще много чего имела в прошлом Бира, а главное — это был крупный железнодорожный узел, где располагались многие станционные службы и останавливались буквально все поезда.

Лидия Алексеева напомнила и о прославивших поселок своих земляках — Герое Советского Союза Вере Кащеевой, поэтах Ольге Ермолаевой и Михаиле Асламове.

Двое бирчан — Николай Марченко и Михаил Бураков — были участниками Парада Победы в Москве. К сожалению, оба уже ушли из жизни. А прошедший почти всю войну Василий Петрович Лямзин, отметив в апреле свое 99-летие, надеется дожить и до векового юбилея.

Уже в этом веке Биру украсил новый железнодорожный вокзал. Недавно приобрел крышу виадук, связывающий верхний поселок с нижним. В поселковой школе заменили старые окна на пластиковые. В центре культуры и досуга оборудовали спортивный тренажерный зал для всех желающих.

В тот день здесь шла репетиция хора «Бирчанка», который существует почти двадцать лет. Хористки под руководством Анны Сазоновой готовили программу к юбилейному концерту.

120-летие родного поселка бирчане собираются отметить осенью большим общим праздником. Готовятся к нему основательно — провели конкурс на лучший логотип, объявили конкурсы стихов и рисунков об истории малой родины, на лучшее подворье. Любые интересные творческие идеи, задумки готовы поддержать и в поселенческой администрации, и в культурно-досуговом центре.

Впрочем, через четыре года Бира может отметить и 110-летний юбилей. Тем более что живы потомки Бобыревых — первых русских переселенцев поселка. История продолжается…

Ирина Манойленко
Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 27.05.2014

Здесь жизнь не остановилась

Проехать в село Желтый Яр из областного центра просто, даже очень просто – рейсовые коммерческие автобусы ходят сюда с завидной регулярностью, а еще через Желтый Яр проезжают транзитные автобусы до Найфельда, Дубового, Надеждинского, Головино, Петровки. Вот такое удобное расположение, сами того не ведая, выбрали для села его первые жители.

В прошлом году Желтый Яр отпраздновал свое 95-летие. Если верить энциклопедическому словарю ЕАО, поначалу село называлось Ульдура и располагалось на правом берегу Биры. Но из-за постоянных наводнений люди переселились на левый, более высокий и обрывистый берег реки, с желтым песком, отсюда и новое название села – Желтый Яр.

До сих пор оспаривается право первожительства: по одной версии село основали переселенцы с Украины, по другой – из Воронежской области. Как бы там ни было, но русских и украинских фамилий в селе всегда было поровну.

Оспаривается и дата образования села. В одном источнике указывается 1921-й, в другом – 1926-й, а в энциклопедии ЕАО стоит 1925 год.

Еще одна загадка: в честь какого Аникеева был назван в 1930-е годы здешний колхоз? Об этом я пыталась узнать еще в советские времена, но колхозные старожилы разводили руками. Выдающихся деятелей или известных стране героев с этой фамилией я не нашла ни в одной энциклопедии.

В 1960-е годы колхоз имени неизвестного Аникеева влился в самый известный в области колхоз «Заветы Ильича», став его первой бригадой. Многие годы ею успешно руководил Иван Прокопьевич Курганский, семья которого приехала сюда после войны с Западной Украины. Когда не стало колхоза и советской власти, Курганский организовал крестьянско-фермерское хозяйство по выращиванию овощей.

Имелся в Желтом Яре и свой сельсовет, куда входило соседнее село Пронькино. Последним главой села была Татьяна Федоровна Остроух.

Но, пожалуй, хватит истории. Заглянем в сегодняшний день села.

Сегодня Желтый Яр входит в состав Валдгеймского сельского поселения – так, как когда-то бригадой входил в большой колхоз. Только вместо бригадира рулит жизнью на селе специалист от поселенческой администрации Екатерина Петровна Тарасова. В ее кабинет на втором этаже административного здания не зарастает народная тропа.

– Я считаю, у нас благополучное село. Проблемы, конечно, есть – безработица среди молодежи, неблагополучные семьи, нехватка денег в бюджете, но если сказать в общем, то люди у нас очень хорошие, отзывчивые на добрые дела. К примеру, решили мы установить новый памятник погибшим односельчанам и умершим после войны фронтовикам вместо прежнего, который сейчас в аварийном состоянии. Так откликнулись даже те, кто давно не живет в селе. Александр Клеменок, внук погибшего на войне жителя села, в Севастополе служит и оттуда перевел деньги. Совет ветеранов в стороне не остался, клубные работники, школа. Помогли районная, поселенческая администрации, к губернатору я лично ездила. Памятник уже готов, но установим мы его 9 мая, в День Победы. Жаль, ни одного участника войны в селе не осталось, только труженики тыла, – поделилась Екатерина Петровна.

То, что Желтый Яр – село благополучное, подтверждает и статистика. Сегодня здесь проживает 680 человек, а семь лет назад, по последней переписи населения, жителей в селе насчитывалось 511. Приросло село не только за счет рождаемости,

но и за счет приезжих, в том числе и городских жителей. Молодые семьи могли приобрести здесь жилье за счет материнского капитала.

А еще число детей в селе превышает число жителей пенсионного возраста. Пенсионеров насчитывается около ста, детворы – в полтора раза больше.

Школа в селе основная, дает девятиклассное образование, на наполняемость классов учителя не жалуются.

Исполняющая обязанности директора Вера Николаевна Парахневич работает в школе больше двадцати лет.

– Представьте, количество учеников за это время ничуть не стало меньше, даже немного увеличилось. В каждом классе в среднем по двенадцать человек, а всего в нашей школе 81 ученик. Дети хорошие, доброжелательные, работать с ними одно удовольствие. У нас и педагогический коллектив замечательный, только молодежи бы хотелось видеть в школе больше.

Школьное здание было построено полвека назад, но выглядит по-современному, здесь все есть для полноценной учебы. Школа активно участвует в общественном движении школьников, есть и своя детская страна «Радуга», живущая по самым добрым законам. Мы обратили внимание на то, как много было улыбок на детских лицах во время перемены.

Детский сад находится рядом со школой, это ее дошкольное подразделение. Ребятишек здесь больше тридцати, в группах уютно, красиво, много игрушек, развивающих игр. В спальнях удобные современные кровати – время раскладушек ушло в прошлое.

– Родителям один день пребывания ребенка в садике обходится в 74 рубля, – рассказывает воспитатель Валентина Николаевна Федорчук. – Стараемся разнообразно кормить детей, но вот натуральными, более качественными продуктами не всегда получается. Свежее домашнее молоко покупать у местных жителей не можем, так же как и овощи – закупается все по тендеру, централизованно. Вот и даем детям магазинное пастеризованное молоко и неизвестно где выращенные овощи.

Кстати, в школе на питание ребенка в день выделяется 14 рублей. Как умудряются школьные повара при этом неплохо кормить детей, остается только удивляться.

И в школе, и в детском саду есть дети из приемных семей. Первой приемной мамой в селе для трех осиротевших ребятишек стала Надежда Михайловна Голобородько. Живет семья на самом краю улицы Октябрьской, в небольшом стареньком доме. Но, как говорится, в тесноте – не в обиде. В доме мы застали только хозяйку – старший сын Андрей учится в политехническом техникуме в городе, но после занятий возвращается домой, хотя ему предлагали место в

общежитии. Десятиклассница Наташа ездит учиться в Валдгеймскую школу, а Аня заканчивает девятый в родной школе.

– Не заметила, как они выросли, – перелистывая альбом с детскими фотографиями, рассказывает Надежда Михайловна. – Вот такой Анечка была – это она на школьном утреннике в первом классе, а это Наташенька моя на новогоднем празднике. А посмотрите, какой Андрей красавец! Они у меня очень хорошие, послушные, дружные. Огород все вместе обрабатываем. Была корова, но с ней пришлось расстаться – и пасти особо негде, кругом теперь одни поля, и здоровье уже не то. По моему примеру дочки мои Света и Саша тоже детей в свои семьи взяли: у Саши четверо приемных ребятишек, у Светы один ребенок. Я за них рада.

Для безработных сельских женщин стать приемными мамами – это возможность не только подарить осиротевшему ребенку любовь и заботу, но и самореализоваться. Тем более что есть с кого брать пример.

А работать многие желтояровцы ездят в город, потому что никаких производств, кроме нескольких бюджетных учреждений, в селе нет. Местные фермеры выращивают в основном сою, а в единственном овощеводческом хозяйстве трудятся гастарбайтеры. Раньше здесь держали много скота, а сейчас на все село и двадцати буренок не наберется. Пастбища, что были рядом с селом, распахали, как и покосы. И это проблема не только Желтого Яра.

Кто-то пытается заняться промыслами – на Центральной улице мы встретили женщину с охапкой топорищ в руках: «Работаю дворником в школе, зарплата маленькая, вот и торгую топорищами, которые муж делает».

Не так давно славилось село своими певуньями – ансамбль «Сударушка» выступал не только на местной сцене. Но Дом культуры из-за аварийного состояния здания пришлось закрыть, и сейчас культурная жизнь села переместилась в стены все того же административного здания, которое, кстати, тоже требует основательного ремонта. Здесь же находится почтовое отделение, которое больше двадцати лет возглавляет Татьяна Дмитриевна Дзябук, приехавшая в Желтый Яр из Магадана. Зарплата у начальника отделения – стыдно сказать – восемь тысяч рублей.

В селе 48 подписчиков, каждый выписывает в основном по одной газете. Одну газету – «Биробиджанер штерн» – выписывает сельская библиотека, на другие издания не хватает средств. Но порадовало то, что на полках лежало много свежих детских журналов – библиотекарь Наталья Веснухова активно приобщает к чтению своих юных читателей. И не только к чтению – при библиотеке работают творческие кружки для детей. Компьютерами сельские ребята не избалованы, поэтому охотно занимаются в библиотечных стенах, среди книг.

Таким увидели мы село Желтый Яр в один из будничных мартовских дней. Здесь почти не встретишь брошенных домов, зато появляются новые, добротные. А это значит, что люди хотят здесь жить.

Ирина Манойленко

Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 15.03.2017

Так начинался Соцгородок

О поселке Соцгородок, расположенном недалеко от Волочаевки, ходит немало легенд…

С одной стороны, об этом населенном пункте, история которого тесно связана с коммуной Икор, знали в свое время чуть не во всем мире. С другой — история его полна белых пятен. И тем уникальнее возможность взглянуть на прошлое Соцгородка глазами его первостроителей. Такую редкую возможность мы получили благодаря Елене Марундик, нашей бывшей землячке, проживающей ныне в Израиле. Автор этого рассказа не претендует на документальную точность повествования. «Главная моя цель — пока живы очевидцы и участники тех событий — успеть записать их воспоминания и оставить память о Соцгородке нашим детям и внукам, — говорит Елена. — Начинаю с событий, произошедших задолго до моего рождения. Записано со слов моего отца, поэтому если в рассказ закрались неточности, это вполне объяснимо».

Мои дедушка и бабушка, Исроэль и Хая-Ривка Пинзур, приехали в Соцгородок 12 мая 1932 года из Дубровно, Витебской области (Белоруссия) по программе переселения. У них было четверо детей. Старшему Куше было 12 лет, Бэрлу — 10, Фэйгл — 6, а мизинэку, Цви-Гиршу, моему будущему папе исполнилось на тот момент четыре года.

В это время в поселке уже жили Митчл Беккер из Америки, немецкая семья Цанге из Германии, Гилей Блехерман из Аргентины, Ерецкий, американец Шая Коваль с семьей, Абрамские, Дискины, Брусиловские из Украины. Они были объединены в коммуну с Даниловкой и Икором (нынешней Камышовкой).

На самой вершине сопки, рядом с часовенкой, жил Балаганов. Он держал скот и сеял зерновые на корм. Это в честь него одну из проток реки Тунгуски назвали Балагановской. У него работали четыре китайца, которые жили в своем бараке (в поселке его называли «китайским»). Кроме этого они сезонно занимались рубкой леса и обжигом кирпича, у них даже был свой маленький цех.

База коммуны находилась на станции Волочаевка-1. Все грузы, доставлявшиеся по железной дороге, сгружали там. А в поселок их перевозил в том числе и мой дед Исроэль Пинзур.

Была в поселке своя техническая база — американцы привезли трактор «Фордзон», два экскаватора, оборудование для мебельной фабрики и электростанции. С 1931 года работала шпалорезка, в 1932 году начали выпускать табуретки для нужд коммуны.

В начале тридцатых в строящемся поселке уже были две просеки-улицы. Одной из них поначалу присвоили имя Карла Маркса, а потом переименовали в улицу Чкалова. Здесь стояли два двухэтажных дома, построенных как общежития, — с маленькими комнатами и общим длинным коридором. Было также несколько времянок и пекарня, построенная политическими заключенными. Жили политзаключенные в двух бараках у подножия сопки. Они занимались строительством железной дороги на Комсомольск-на-Амуре, они же возвели и первый деревянный мост через Тунгуску. Руководил работами Ардатьев, автором проекта моста был заключенный Рамзин, которого в 1938 году, после успешной сдачи объекта в эксплуатацию, освободили.

В 1933-1934 годах из числа коммунаров организовали рыболовецкую артель. Одним из самых опытных рыбаков в ней оказался Исроэль Пинзур (дед занимался рыбалкой еще в Белоруссии). Он поехал в Хабаровск в Крайрыбакпотребсоюз, привез оттуда снасти, руль, мотор. Первую лодку сделал сам, доски для нее снимали с крыши одного из бараков.

Дед подружился с Михолапом, участником Гражданской войны, который жил на другой стороне Тунгуски и возглавлял еще одну рыболовецкую бригаду. Михолап научил деда особенностям рыбалки на Тунгуске. Летом ловили белорыбицу, в путину — кету. Рыбу разделывали и солили на месте, а по морозу вывозили и отправляли со станции Волочаевка-2. Моста еще не было, но станция уже работала. В бригаде у Исроэля Пинзура было примерно 14 человек. Блехерман рыбачил, Цанге был резчиком рыбы. Даже повара в бригаде были свои. К работе привлекали и детей.

В журнале «Огонек» тех лет была опубликована статья о первой еврейской рыболовецкой бригаде, а на обложке красовалась фотография деда с неводом на плече.

С тех времен на карте появилось название протоки Пинзуровская. Вряд ли она жива сейчас, так как Тунгуска несколько раз меняла русло, и протоки сначала становились старицами, отшнуровывались от основного русла, а потом и вовсе высыхали. После распада коммуны в 1935 году в поселке оставалось три семьи — Блехерман, Пинзур и Масловых. Часть людей переселилась в Икор, а кто-то и вовсе уехал. Икор тогда состоял практически только из еврейских семей.

Тогда же распалась рыболовецкая артель, и дед ездил работать в Икор. Он заготавливал из тальника колышки для подвязки рассады, за ними приезжала машина из Икора и забирала деда. Затем семья Пинзур переехала ближе к реке, как тогда говорили, на фалангу, в старый домик, в котором когда-то жили работники Балаганова. Дед заготавливал сено на Пинзуровских угодьях, которое потом перевозили в Икор. За перевозку отвечал самый опытный, Шая Коваль, сено перетягивали с помощью трактора через реку. Еще дед работал как перевозчик через реку, на сенокосные угодья, а когда его не было дома, это становилось обязанностью его детей.

В 1936 году в поселок стали приезжать еврейские переселенцы, в основном из Украины, — Липовецкие, Черкавские, Красник, Урман, Фурман, Глозман, Сандлер, Давидсон, Трасповы, Залцман, Верник, Клейман, Гальперины, Коган, Сельские, Цибульские. В 1938-1939 годах приехали семьи Нижник, Брагинских, Русинских, Гершберг, Суранович, Колтун, Гурфинкель.

В 1937 году начались репрессии, и из села стали забирать людей. Вернулся один Сухой. Забрали Солодовникова, Макарова (когда выросли их дети, они добились реабилитации), Арона Шнура. В начале войны забрали всю семью немцев Цанге, в поселок они уже не вернулись.

В бывшем бараке заключенных начал работать мебельный цех, вся техника в нем была американская. Заключенных переселили ближе к мосту, в поселке остался только штаб, который управлял работами.

В тайге вверх по Тунгуске зимой валили ясень, а летом сплавляли лес по воде прямо к поселку. Бревна вытаскивали на берег протоки, на двух лошадях возили к цеху и там пилили. В помещении, где раньше находился «китайский» кирпичный цех, сделали сушилку для досок.

Мебель производили добротную, ясеневую. Фанеру и клей присылали из Владивостока. До войны в цехе работали 48 мастеров-краснодеревщиков, все евреи. Среди них — Шкатрут, Фурман, Гершберг, Спектр. Первым начальником цеха был Плоткин, начальником производства — Буяновер. Урман и Корх работали машинистами на локомотивах (паровых установках, которые приводили в действие

станки с ременной передачей). В цехе работали одни мужчины, из женщин только Цанге.

В 1936 году открыли еврейскую семилетнюю школу, в которой обучение велось на идише, преподавал в ней Давид Вассерман. Школа проработала около двух лет. Потом Вассермана посадили, а школу закрыли. Ее открывали еще раз в 1940-м, но проработала она меньше года.

В 1937 году началось строительство пяти каменных домов на несколько квартир на центральной улице. К тому времени в поселке жило уже много русских и украинцев.

Перед войной Соцгородок считался большим культурным центром. В двухэтажном клубе работали драмкружок на идише, два духовых и струнный оркестры. Были в поселке тир, футбольное поле, игровая площадка. В клубе проводились районные соревнования по стрельбе, по лыжам, работал выездной пионерский лагерь.

Во время Великой Отечественной войны на фронт ушли практически все мужчины. В мебельном цехе остались начальник Шкатрут, бухгалтер Литвак, столяры Фурман и Гальперин (на фронт их не взяли из-за преклонного возраста), пожарный Фрейгин и токарь Сегал. Остальные рабочие места заняли женщины и дети. Среди них Женя Воробьева, Фаня Пинзур, Таня Фурман, Фаня Бондарь, Хая Шкатрут, Маруся Блинкова и ее сестра Нюра, Зина Савватеева, Роза Гальперина, Зина Глозман. Все они были 1928-1929 годов рождения.

Выпускали они продукцию для фронта: лыжи для перевозки пулеметов и вывозки раненых, ящики для снарядов и мин, дегазационные ящики, табуреты для воинских частей, планшетные доски, кузова для машин — простые и обитые свинцом.

С 1943 года на фабрике начал работать мой отец. Сначала он с Перепечко пилил дрова, а летом устанавливали оборудование для пилорамы на берегу реки. С 1944 года начала работать мама, ей было 12 лет. Вместе с ней работали Уля Савватеева и Нина Екимова. Их посылали пилить бревна ручной пилой, а бревна были такие, что дети не видели из-за них друг друга. На пилораме работал Овчинников, который жалел девчонок и давал им возможность отдохнуть.

Кроме этого дети выгребали опилки, носили воду из реки для парового котла. Котлы топили дровами, и девочки уходили за шесть километров от поселка на заготовку дров. Норма была пять кубометров на каждого. И это в разгар зимы, без теплой одежды и обуви. Мама вспоминает, что когда она не вышла на работу из-за того, что нечего было обуть, ее отдали под суд. Хорошо, что судья в районе оказался человеком. Он посмотрел на 12-летнего ребенка и отправил домой. А Хая Шкатрут за опоздание отсидела полгода.

Родители работали на фабрике до самой пенсии. Папа сначала был столяром, потом механиком, а мама — станочницей в механическом цехе.

Мама с папой поженились в 1954 году, в 1955-м родилась сестра, а в 1957-м появилась на свет я. В 1962 году началось строительство двухквартирных деревянных домов по улице Чкалова, в один из них мы и переехали.

В нашем с сестрой детстве еще многое напоминало о старом поселке, хотя мы, конечно, об этом не задумывались. В полуразрушенном каменном доме мы играли в прятки, на месте сгоревшего двухэтажного деревянного был пустырь, потом там разбили парк. От старой жизни на протоке остались следы пилорамы, а неподалеку два огромных камня — остатки фундамента электростанции. А как горела сушилка, я отчетливо помню…

Здесь в Израиле, в этой маленькой и удивительной стране, в которой собрались евреи со всего света, мы стали получать неожиданные приветы из детства моих родителей. И те полумифические люди из их воспоминаний вдруг возникли здесь в реальности.

В нашей семье до сих пор живы выражения, обороты, которые могут понять только жившие в Соцгородке, и дети с удовольствием их подхватывают и обожают слушать рассказы о тех далеких временах и событиях.

Елена МАРУНДИК, Кирьят-Бялик

Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 14.11.2012

Так начинался Биробиджан

В 1928 году станция Тихонькая – будущий Биробиджан – соответствовала своему названию.

Это был, как вспоминали очевидцы, «в полном смысле молчаливый и тихий разъезд с двумя улочками, маленькими и редкими домиками…». Здесь проживало тогда всего 623 человека, насчитывалось 237 разбросанных деревенских домиков, были начальная школа, почта да кооперативная лавка. Быть бы ей и сейчас Тихонькой, если бы не родилась идея создания первого в мире еврейского государства. Государства не получилось – Биробиджан, появившийся на месте Тихонькой, стал административным, хозяйственным и культурным центром Еврейской автономной области

Крыша этернитовая, столбы из бутового камня, архитектурное оформление – деревянные карнизы, пилястры, наличники, отопление печное: что представлял собой город на Бире в тридцатые годы прошлого века

На левом берегу

По рельефу город делился на две части: правобережная представляла собой возвышенность, левобережная – заболоченную равнину. Тем не менее начали застройку станции в 1928 году на левобережной части заболоченной поймы Биры. Застройка велась без генерального плана, одноэтажными бараками и индивидуальными деревянными домами, крытыми финской стружкой, с печным отоплением, без коммунальных удобств. Никакой инженерной подготовки местности под застройку не проводилось.

Более интенсивно город начал застраиваться в 1930-е годы. Основным строительным материалом была древесина местных заготовок. Стены зданий возводились, главным образом, из бруса. Но немало домов строилось с каркасно-засыпными стенами. **КИРПИЧА, КОТОРЫЙ ПРОИЗВОДИЛИ НЕСКОЛЬКО СЕЗОННЫХ ЗАВОДОВ, ЕДВА ХВАТАЛО НА СООРУЖЕНИЕ ПЕЧЕЙ И СТРОИТЕЛЬСТВО КОРПУСОВ НАИБОЛЕЕ КРУПНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ – ШВЕЙНОЙ ФАБРИКИ, ОБОЗНОГО ЗАВОДА, А ТАКЖЕ ШКОЛ, БОЛЬНИЦ И ВАЖНЕЙШИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЗДАНИЙ.**

Центральная часть города застраивалась двухэтажными типовыми деревянными домами на 8 и 12 квартир, реже – одноэтажными.

В архитектурном оформлении зданий не было особых излишеств. Преобладали строгие линии и экономические решения. Дома представляли собой, как можно прочитать в одном из архивных документов, *«здания, рубленные в два этажа, материал стен-дерево, крыша этернитовая, без желобов и водосточных труб. Высота внутренних помещений – три погонных метра, фундамент — столбы из бутового камня. Перекрытия деревянные по деревянной балке с накатом и подшивкой, полы из досок толщиной 40 мм. Переборки — дощатые под штукатурку, окна и двери из брусков 54 мм в чистоте с деревянными подоконниками. Лестницы деревянные с деревянной решеткой. Штукатурка внутренняя, масляная окраска полов, дверей и прочих столярных изделий. Клеевая окраска по штукатурке, архитектурное оформление – деревянные карнизы, пилястры, наличники. Отопление печное».*

На совещании при конторе ОЗЕТ 17 апреля 1930 г. рассматривали вопрос «О предполагаемых гражданских постройках на ст. Тихонькая». В ходе совещания приняли решение выделить средства и *«построить переселенческий барак — 12 000 руб., механическую мастерскую 50 000 руб., дом под общежитие 50 000 руб., складские помещения – навесы 3000 руб., школу 12 000 руб., оборудовать фельдшерский пункт 3000 руб. К постройке барака и оборудованию фельдшерского пункта приступить в первую очередь, причем за основу постройки барака принять рабочий проект, представленный Черным М.А. Для обеспечения постройки круглым лесоматериалом заготовить 2000 бревен лиственницы из района Каменного дома и сплавить по Бире на Тихонькую»*. Имеющийся летний барак было решено переоборудовать под фельдшерский пункт. На постройку механической мастерской проекта не имелось, поэтому предполагалось строить его из шлакобетона, причем стройконторе необходимо было выяснить потребное количество шлака и к постройке должны были приступить во вторую очередь. В последнюю очередь решили строить складские помещения и школу.

Где проект? Проекта нет

Из архивных документов узнаем, что на 15 октября 1930 г. были построены общежитие, навес, амбулатория (переустройство) и разные мелкие постройки.

Стройконторы «Биробиджанстрой», переселенческого отдела НКВД и «Кустжилстрой» (впоследствии ликвидированный) в 1935-1936 гг. являлись основными строительными организациями. Если в 1935 году на строительстве было занято 830 человек, то в 1936-м количество рабочих-строителей уменьшилось до 341 человека. Не потому, что стали меньше строить, а за счет внедрения механизации. Большинство строительных организаций были достаточно хорошо обеспечены строительными механизмами, транспортом и оборудованием. Некоторые из них смогли закрепить на рабочих местах квалифицированных специалистов из числа евреев-переселенцев: столяров, плотников, арматурщиков, маляров. Однако из-за небрежного отношения проектных организаций к составлению проектов и смет приходилось приостанавливать строительство некоторых объектов. Например, в 1936 году пришлось приостановить строительство кинотеатра, гостиницы и детских яслей. А заложенный в конце 1934 года фундамент главного корпуса швейной фабрики из-за ошибки при закладке пришлось снести, а потом рыть новый котлован и ставить новый фундамент.

На заседании бюро обкома ВКП(б) в апреле 1936 года отмечалось, что **ОТСУТСТВИЕ СХЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ, ГИДРОГЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ, А ТАКЖЕ НЕХВАТКА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПЛАНИРОВКЕ ТОРМОЗЯТ ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ОТВОД УЧАСТКОВ ПОД СТРОИТЕЛЬСТВО, ТЕМ САМЫМ СОЗДАВАЯ УГРОЗУ БЕССИСТЕМНОЙ ЗАСТРОЙКИ.** В связи с этим было решено организовать планировочную комиссию и возложить на нее «руководство проработки проблем строительства, наблюдение и контроль за ходом проектирования и осуществления проекта».

ТЭЦ: начато и приостановлено

С началом застройки города встал вопрос о строительстве электростанции.

Еще в 1931-1932 годах при торфяных изысканиях в Биробиджанском районе было отмечено, что «по своим энергетическим ресурсам болото «Тихонькое» допускает организацию на нем электростанции мощностью до 35000 киловатт, вполне обеспечивающую на первое время потребности промышленности». В сведениях о разведочных работах на Бирском каменноугольном месторождении и о работе экспедиции Наркомзема на Дальнем Востоке за май 1936 — февраль 1939 годов содержится такая информация: *«Болото «Тихонькое» является частью торфяного массива. По имеющимся сведениям, для эксплуатации пригоден участок, расположенный на северо-западе от ст. Биробиджан на расстоянии 3–5 км от нее. Данный участок при правильной эксплуатации на срок 25 лет может ежегодно давать 25–30 тонн торфяного топлива…».*

В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ БИРОБИДЖАН ОБСЛУЖИВАЛА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ, СОСТОЯЩАЯ ИЗ ТРАКТОРНОГО МОТОРА И ДИНАМО НА 50 КИЛОВАТТ. КРОМЕ ЭТОГО ЭНЕРГИЯ ВЫРАБАТЫВАЛАСЬ БАМЛАГОМ, ДАЛЬЛАГОМ И ЛЕСОПИЛЬНЫМ ЗАВОДОМ.

На заседании президиума Биробиджанского горсовета 9 апреля 1935 года, заслушав доклад председателя комиссии Коммунэнергостроя Дементьева о выборе площадки под строительство новой электростанции, утвердили из пяти обследованных площадку № 4, расположенную рядом со швейной фабрикой.

Строительство ТЭЦ на 5000 киловатт начали в 1936 году. В октябре 1937 года оно было приостановлено в связи с пересмотром проекта. Основной причиной пересмотра послужил паводок, затопивший стройплощадку. Переработанный технический проект, где была предусмотрена подсыпка площадки до отметки, гарантирующей от затопления, был утвержден 13 октября 1938 года. Однако дальнейшее производство работ не возобновлялось. В военные годы строительство ТЭЦ было законсервировано вплоть до 1946 года.

Двенадцать комнат

В 1936 году было запланировано строительство помещений для областного архива, областного музея и научной библиотеки.

Научно-исследовательская комиссия считала, что для каждого из этих учреждений при дальнейшем развертывании работы потребуются отдельные «солидные» здания. Учитывая напряженность со стройматериалами, было предложено в 1936 году ограничиться постройкой одного каменного здания и одного дома под квартиры для научных работников. Построить здание должны были с таким расчетом, чтобы в нем впоследствии мог разместиться научно-исследовательский институт.

Комиссия просила включить в план строительства на 1936 год каменный дом научно-исследовательских учреждений области примерно на 12 больших комнат, с

одной аудиторией на 75 человек и холодным помещением-кладовой; деревянный дом для научных работников на 8 квартир.

Площадка под строительство должна быть отведена с учетом размещения там института и зданий научно-исследовательских учреждений: архива, музея, библиотеки.

В середине 1930-х годов в областном центре проживало более семи тысяч человек, а на каждого жителя приходилось от полутора до двух с половиной квадратных метров жилья. Жилищное строительство не поспевало за ростом населения. И не только жилищное

Где приезжих размещать?

Строящаяся будущая область привлекала много приезжих. Ежедневно железнодорожная станция продавала до 200 билетов. Тех, кто приезжал в город всего на несколько дней, негде было разместить – гостиницы в Биробиджане не имелось. И только в 1936 году было запланировано строительство гостиницы примерно на 60 номеров – кирпичное трех-этажное здание с высотой внутренних помещений три с половиной метра, с центральным отоплением. Но до начала 1937 года к строительству так и не приступили. **ГОСТИНИЦА БЫЛА ПОСТРОЕНА ЛИШЬ В 1938 ГОДУ, ПРИЧЕМ СОВСЕМ НЕ ТАКАЯ, КАКАЯ ПОНАЧАЛУ ПЛАНИРОВАЛАСЬ. ЭТО БЫЛО ДВУХ-ЭТАЖНОЕ ЗДАНИЕ НА 25 НОМЕРОВ БЕЗ ВОДОПРОВОДА И КАНАЛИЗАЦИИ**. К установке коммуникаций приступили только в 1939 году.

В 1960 году в гостинице имелось уже 35 номеров на 72 места, при гостинице появился ресторан.

Как решался жилищный вопрос

В середине 1930-х годов средняя жилплощадь на одного человека в строящемся Биробиджане составляла не более трех с половиной квадратных метров, но чаще всего, и это подтверждают архивные данные, на каждого проживающего приходилось от полутора до двух с половиной квадратных метров. Например, в мае 1936 года в доме № 79 по ул. Постышева (нынешняя улица Ленина) на девяти метрах жилой площади проживало девять человек!

В конце 1934 года в Биробиджане насчитывалось 7200 жителей. Предполагалось, что в 1935-м население областного центра возрастет в несколько раз, а значит, увеличится и потребность в жилой площади. К тому времени жилищный фонд поселка составлял 24 с половиной тысячи квадратных метров, и это не могло удовлетворить потребности вновь прибывающего населения.

В связи с этим было решено за счет удешевления стоимости строительства жилых помещений увеличить объем строительства новых домов для переселенцев-кустарей. Поэтому начали строить в 1937 году двухэтажные дома исключительно по

утвержденному проекту – четырехквартирные, сметной стоимостью в 78 000 рублей. Вместо полной внутренней штукатурки и всех малярных работ стали штукатурить только потолки и комнатные перегородки, проводить грунтовку площадей, подлежащих покраске. **ГЛАВНОЕ – ПОСТРОИТЬ БЫСТРЕЙ И КАК МОЖНО ДЕШЕВЛЕ.**

В итоге были построены по два двухэтажных деревянных четырехквартирных дома для артелей «Найе Вег», «Работница», «Пищепром», «Кирпичики», «Вперед», «Колесо революции», «Фанзавод». По одному такому же дому для артелей «Строитель», «Культура и галантерея», «Комсомолец», «Деталь». Восемь домов получила артель им. Димитрова, семь – артель «Вторая пятилетка».

Также необходимо было достроить по одному двухэтажному восьмиквартирному дому для артелей «Колесо революции», «Пищепром», «Химхозпродукт», «Свой труд» и один одноэтажный двухквартирный дом для артели «Вперед». Помимо жилых домов строились сараи, колодцы и благоустраивались придомовые территории.

Меньше зарплата – ниже квартплата

В 1936 году для рабочих и служащих была утверждена **КВАРТПЛАТА.** Взималась она из расчета за один квадратный метр жилплощади один раз в месяц и **ЗАВИСЕЛА ОТ ПОЛУЧАЕМОЙ ЗАРПЛАТЫ**. Например, при заработке в 150 рублей оплата одного метра жилья составляла 44 копейки. При этом действовала система скидок: для домов без водопровода и канализации – 10 процентов, без электричества – 5 процентов, если не было кухни, скидка составляла 30 процентов. Наполовину меньше платили за полуподвальные помещения. Были и скидки для бывших партизан, красноармейцев. А вот для высокооплачиваемых ответственных политработников была утверждена особая квартплата. Так, работник с заработной платой от 325 до 350 рублей платил за один квадрат 50 копеек, свыше 800 рублей – 1 рубль 32 копейки.

Где эта улица, где этот дом

В середине 1930-х годов из-за бесплановой застройки города многие дома, расположенные на одной улице, часто имели одинаковые номера, а нумерация домов нередко не соответствовала действительности. Поэтому остро встал вопрос о нумерации домов и наименовании улиц. Было запланировано в период с 25 по 31 октября 1936 года дать названия всем безымянным улицам, переулкам и площадям Биробиджана. Горкомхоз – городское коммунальное хозяйство – обязали до 10 ноября провести нумерацию домов по вновь названным улицам, переулкам и площадям.

К этому вопросу вернулись в 1938 году. 28 июля на заседании президиума Биробиджанского городского Совета депутатов трудящихся было принято решение: «…Ввиду отсутствия генерального плана застройки и планировки города, что не

дает возможности произвести точную разбивку города на кварталы и участки, и в целях упорядочения и установления единой нумерации домов, президиум постановляет: 1. Временно, **ДО ПОЛУЧЕНИЯ ГЕН-ПЛАНА ЗАСТРОЙКИ И РЕКОНСТРУКЦИИ ГОРОДА, УТВЕРДИТЬ ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ПРОЕКТ ГОРКОМХОЗА О ВВЕДЕНИИ ЕДИНОЙ НУМЕРАЦИИ ДОМОВ В ЧЕРТЕ ГОРОДА,** предусматривающий направление нумерации по улицам: Калинина, Ленина, Партизанской и Советской с запада на восток. Принять направление нумерации по улицам Волочаевской, Пушкинской, Октябрьской, Урицкого, Димитрова и Швейному переулку с северо-запада на юго-восток. 2. Установить, что расположение нумерации должно быть по левой стороне каждой улицы: начиная с первого номера – нечетные, по правой стороне каждой улицы, начиная со второго номера – четные».

Без мелиорации никак

Большая часть будущего города, которая начала застраиваться в середине тридцатых годов прошлого века, располагалась в низменной, отчасти заболоченной и заливаемой во время подъема реки Биры территории, поэтому некоторые объекты строились и перестраивались годами. Например, «Биробиджанстрой» в августе 1936 года не мог продолжить строительство детских яслей из-за того, что отведенный участок под строительство этого объекта находился под водой и все пути подъезда к участку были отрезаны. К тому же установленный в 1935 году фундамент (деревянные стулья) и уложенный нижний венец (обвязка) от плохого состояния грунта окончательно деформировались и подлежали переделке.

Дальнейшая застройка без проведения минимальных мелиоративных работ и гидротехнических сооружений стала невозможна. Поэтому в том же 1936 году на осушку 500 гектаров площадей, застраиваемых в первую очередь, а также устройство дамбы протяженностью до трех километров, предполагалось затратить 750 тысяч рублей.

В 1937 году по ходатайству города **СТРОИТЕЛЬСТВО ДАМБЫ ВДОЛЬ БИРЫ** протяженностью 8 километров, которая уберегла бы город от угрозы затопления, **ВКЛЮЧИЛИ В ПРОЕКТ МЕЛИОРАЦИИ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СССР.** Общую стоимость выполнения проекта утвердили в сумме 5,5 миллиона рублей, из которых пятая часть выпадала на долю Биробиджана. Вопрос о дамбе в дальнейшем поднимался не один раз, ее строительство включалось в титульные списки строительства народного хозяйства ЕАО, почти ежегодно выделялись средства на поддержание дамбы в соответствующем состоянии.

Полмиллиона на километр дороги

Еще одной бедой города были разбитые дороги – они парализовывали движение транспорта, задействованного на строительстве, затрудняли само

строительство и одновременно являлись рассадником грязи и антисанитарии. Ежегодно для приведения улиц в надлежащий вид копали канавы, засыпали лужи, пади и т.д., строили деревянные тротуары «простейшего типа – пластины на лежнях», мостки через канавы. Только за 9 месяцев 1939 года было построено 3 635 погонных метров деревянных тротуаров.

Например, в отчете о дорожном строительстве за 1932 год содержится информация: «Выполнено: прокопаны канавы по старым улицам Октябрьской, Постышевской; прочищено старых канав по тем же улицам 1 363 погонных метра; засыпаны лужи у столовых № 1, 5, горсовета, «Дальпушнины», засыпаны пади у больницы по Партизанской улице; построено деревянных тротуаров 25 погонных метров; начата постройка правильной дороги по Партизанской улице и на базарной площади, для чего выкопаны треугольные канавы 465 погонных метров; осушены впадины – одна у столовой № 1, другая на базарной площади; построены мостки через канавы у переселенческого пункта на углу Постышевской и Октябрьской улиц…».

В 1938 году был построен силами работников предприятий участок дороги от улицы Димитрова до обозного завода. **ЗА ОТЛИЧНУЮ РАБОТУ ПО ВОЗВЕДЕНИЮ СВОЕГО УЧАСТКА ДОРОГИ КОЛЛЕКТИВ ШВЕЙНОЙ ФАБРИКИ БЫЛ ПРЕМИРОВАН ГРУЗОВОЙ АВТОМАШИНОЙ ГАЗ.**

Попытки проведения городских дорог без твердого покрытия не дали положительных результатов, так как подпочвы представляли собою плавуны. В связи с этим необходимо было на всем протяжении прокладываемых дорог выбрать «корыта» до грунта, вывезти плавуны и засыпать образованные «корыта» более прочной породой и только после этого приступать к мощению дорог. Строительство одного километра такой дороги обходилось от 450 до 500 тысяч рублей.

****

В 1930-е годы одновременно строились такие крупные объекты государственной промышленности, как обозный и ремонтно-механический заводы, швейная фабрика, типография и др. Ежегодно в титульные списки строительства включались новые объекты здравоохранения, социально-бытового, культурного назначения, промышленные предприятия, увеличивались капиталовложения на благоустройство города.

Так, шаг за шагом, с немалыми трудностями, рождался наш город.

Людмила Стокоз, начальник отдела информации, публикации и научного использования документов Государственного архива ЕАО

Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 05.12.2018, 12.12.2018

Сто девятый год Казанки

В этом селе жизнь не кипит, не бурлит водоворотом, а течет размеренно, неторопливо, как вода в тихой речке

Из истории села

Село Казанка образовано в 1909 году на волне большого переселения крестьян из западных областей страны. Переселенческое управление царского России в тот год отвело для заселения 22 участка в нижнем течении реки Бира. Так появились села Алексеевка, Александровка, Назарово, Михайло-Архангельское, Почаевка, Казанка, Романовское. До наших дней дожили Алексеевка и Казанка.

Названо село в честь праздника Казанской Божьей матери. И сегодня этот день особо почитаем у сельчан.

В 1915 году одна из экспедиций, исследуя села Приамурья, сделала такой отчет о Казанке: 1912 год – водворено тринадцать семей, 1913-й – пятнадцать, 1914-й – девять (видно, сказалась Первая мировая война – авт.). В 1915 году в селе проживало 37 семей, а мужских душ было 88. После революции, по переписи 1926 года, здесь имелось уже 85 дворов, а перед войной – больше ста. Село сильно пострадало от репрессий и раскулачивания в 1930-е годы. Был в Казанке колхоз «Бирский рыбак», который в годы войны отправлял на фронт сушеную и вяленую рыбу, выращивал зерно, картофель, овощи и другие культуры. Был здесь и свой сельский Совет, в состав которого с 1929 года входило переселенческое еврейское село Найфельд.

В 1960-е годы Казанка вошла в состав Дубовского сельского Совета и стала отделением Надеждинского совхоза, который многие годы был одним из лучших в ЕАО.

В селе имелись животноводческие фермы, на полях выращивали отменный картофель.

Действовали школа и детский сад, было построено много жилых домов, в которых большинство сельчан живет и сейчас.

Около сорока километров пути от Биробиджана до Казанки по ровной асфальтированной дороге пролетают незаметно. Птичник, Валдгейм, Пронькино, Желтый Яр – и вот оно, одно из старейших сел Биробиджанского района, которому в этом году исполнится 109 лет. Старше Казанки только Головино и Надеждинское.

Усадьба Юрия Петровича Никонова заметна с дороги – за открытыми воротами видны трактор, комбайн, а сам хозяин с сыном Максимом готовят к работе плуг.

В совхозные времена Юрий Никонов был в Казанке бригадиром картофелеводов, награды государственные за свой труд получал. В 2002 году стал вольным пахарем.

Вот что услышали мы от бывшего совхозного бригадира:

– Нам с женой выделили земельный пай – пять гектаров полей, купили мы трактор, плуг, стали сажать картофель. Первое время кое-как, но сбывали урожай, а последние годы не знали, куда его девать. В общем, пока оставили это дело, растим сейчас картошку только для себя. Еще помогаю людям пахать огороды, вот готовим для этого плуг. Держим скотину – у нас две коровы и четыре головы молодняка. Молоко продаем своим соседям по пятьдесят рублей за литр. Это всего на пять рублей дороже, чем стоит сейчас литр солярки. А затраты не сравнить, поэтому на все село у нас и десятка коров не набирается.

Юрий Никонов в Казанке родился, его родители – коренные волжане – приехали сюда в 1949 году. Отец был известным механизатором, по его стопам пошел и Юрий.

– Нас у родителей пятеро было, но только я остался в Казанке. И дети мои тут живут – сын Максим и дочь Инга. Сын мне помогает, дочь с тремя детьми управляется, младший совсем маленький. Муж у нее постоянной работы сейчас не имеет, хочет свое дело организовать, может, что и получится. Думаем дальневосточный бесплатный гектар взять, на всех нас восемь гектаров получится.

Зимой Юрий Петрович с напарником топили местную котельную, но с октября не получили за свою работу от своего работодателя – компании «Валдгейм-Тепло» – ни копейки. Так что приходится мужикам рассчитывать только на себя – они уже не верят, что долг по зарплате им вернут.

Другой работы, кроме как зимой в котельной и летом на фермерских полях, для мужской половины села нет. Ездят или в соседнее Дубовое, или в Биробиджан, или на вахту далеко от дома. Женщины трудятся в Доме культуры, фельдшерско-акушерском пункте, библиотеке и магазине. Когда-то были в селе начальная школа

и детский сад, а теперь и школьников, и дошколят отвозят по утрам на учебу и воспитание в село Дубовое.

Здание детского сада сейчас занимают учреждения культуры и ФАП. Директор Дома культуры Анастасия Цуканова тоже из местных, ее бабушка и дедушка переселились в Казанку еще до войны из Воронежской области. Настя закончила театрально -режиссерское отделение Биробиджанского колледжа культуры и искусства и вернулась в свое село. С ее возвращением культурная жизнь села не просто оживилась – забила ключом.

– У нас даже свой детский театр есть, пять лет уже ему. В этом году впервые участвовали в районном фестивале «Маска», показывали спектакль-сказку «Сердце Кощея». Может, и до областной «Театральной весны» дорастем, наши артисты очень талантливые. Костюмы сами шьем, моя мама в этом деле профессионалом стала. Декорации я сама делаю, — рассказывает Настя.

Так как школы в Казанке нет, центром работы с детьми стал сельский очаг культуры. Для любителей рукодельничать есть кружок «Клубочек», для желающих научиться играть в настольный теннис или заняться другими видами спорта – секция «Ловкач». Клуб «Семья» собирает на посиделки мам, пап и детей, название кружка «Затейники» говорит само за себя. Есть еще клуб любителей караоке «Солнышко», а на дискотеки молодежь собирает «Орфей». Для жителей постарше тоже есть свой клуб «Кому за пятьдесят».

– Мы привлекаем помощников для работы в клубах и кружках. Узнали, что один из наших жителей хорошо играет в теннис и теперь он учит этому виду спорта ребят. Много помогают родители детей-кружковцев. Когда мы в это здание переехали, оборудовать его, приобрести музыкальные инструменты помогло местное отделение «Единой России». А бывшая жительница села Юлия Дмитриевна Сергеевич подарила нашему ДК панно, на котором вышиты имена всех участников войны, живших в Казанке.

Недалеко от Дома культуры стоит новый памятник погибшим на фронте и ушедшим из жизни после войны односельчанам. Его установили в год 100-летнего юбилея села, часть средств на него собрали жители Казанки. К памятнику отношение бережное, трепетное, в оградке чистота, у подножия – цветы.

Чистота здесь и на улицах – ни одной бумажки, брошенной бутылки и тем паче мусорной свалки мы не увидели.

Улиц в селе немного, самой главной считается Школьная. Школы здесь давно нет, а название осталось.

На этой улице живет молдавская семья Сургуч – Федор и Федора. Тридцать лет назад приехали сюда переселенцы из Молдавии, из нескольких семей осталось две. Занимаются они в основном животноводством.

– Сейчас у нас две коровы и две головы молодняка осталось, а раньше четыре коровы держали, когда корма дешевле были. Молоко, сметану, творог в город возим по организациям. Пенсии у нас небольшие, приходится хозяйство держать. У наших соседей Кравчуков лошадь есть, летом он и свою, и нашу скотину пасет, спасибо ему, – делятся с нами супруги.

Спрашиваем, удается ли им сохранять национальные традиции?

– Язык свой не забыли, хотя больше общаемся на русском. Блюда молдавские по праздникам готовим. Много винограда выращиваем, правда, он не совсем такой, как в Молдавии, но тоже очень вкусный. Приезжайте осенью, попробуйте. И вино из него хорошее получается.

С другой молдавской семьей – Скутарь – пообщаться не удалось – они уехали в город сбывать продукцию домашнего пищепрома.

Много хорошего услышали мы о сельском фельдшере Валентине Геннадьевне Решетниковой, которая 35 лет лечит своих односельчан. Но в этот день ФАП был закрыт – его хозяйка заболела сама.

Вспомнили старейшую жительницу села Нину Сергеевну Сорокину, которая немного не дожила до столетнего возраста.

– А сейчас в старейшинах моя мама Валентина Павловна Вавула, но ей только 83 года, – говорит ее дочь Светлана.

Светлана Анатольевна Вавула ездит на работу в Биробиджан – она санитарка в роддоме.

– Хорошо, что не каждый день, а сутки через двое работаю. На автобус рейсовый не сядешь, пока он до нас доходит, народу там битком. Добираемся чаще всего на перекладных. Найфельд примерно на таком же расстоянии от города, как Казанка, но туда ходит пригородный автобус, а наш километраж, говорят, не подходит.

Сейчас в Казанке живет меньше трехсот жителей. Это по прописке. А фактически раза в полтора меньше – многие снимают жилье в городе, оставаясь сельскими жителями.

На некоторых улицах – Черемушки, Набережной, Новоселов осталось по нескольку домов.

Заглянули в единственный в селе магазин «Светлана». Выбор товаров здесь довольно большой – и продовольственных, и хозяйственных. Продавец Валентина Крылова тоже

оказалась местной жительницей – ее родители приехали в Казанку с Украины после войны.

Папа мой был шахтером, а стал шофером, мама работала на телятнике. Сейчас мама со мной живет, а папы уже нет. Мне нравится наше село, люди здесь открытые, добрые, жалко только, что для молодежи работы нет, – сетует Валентина.

Вот так живет сегодня Казанка, живет сто девятый год и, надеемся, будет жить и полтора, и два, и три века. Жить лучше, чем сегодня.

Ирина Манойленко

Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 26.04.2018

Совсем не красный Красный Восток

Село с таким названием находится в двадцати километрах от Биробиджана, но когда попадаешь сюда, кажется, что это удаленная от цивилизации окраина. Время здесь будто остановилось.

Немного истории

Собственно, истории как таковой у этого маленького села действительно немного. Не нашла я нигде сведений, кто был первым его жителем, да и дата основания села приблизительна. В сборнике «Административно-территориальное устройство Еврейской автономной области», выпущенном в 2004 году Государственным архивом ЕАО, годом образования села указан 1927-й, но, по непроверенным сведениям, освоение этих мест началось вскоре после революции.

Поначалу это был хутор под названием Фунтусиха, где по переписи 1928 года проживало четыре семьи, потом в двадцатые годы хуторяне образовали колхоз «Красный Восток», и это название передалось селу.

В 1939 году в селе имелось 25 дворов – больше, чем в Найфельде, Казанке, Русской Поляне, и немногим меньше, чем в соседнем селе Пронькино.

После войны население Красного Востока продолжало расти, в 1949 году здесь проживало 150 человек.

Терять своих жителей село стало в годы хрущевского правления, когда маленькие населенные пункты стали считать неперспективными. В середине шестидесятых годов в Красном Востоке насчитывалось 75 жителей, то есть за пятнадцать лет их число сократилось в два раза.

В семидесятые годы в селе разместилось подсобное хозяйство треста столовых и ресторанов города Биробиджана. Благодаря этому жизнь Красного Востока оживилась, для своих работников трест начал строить жилье. Выращивали в подсобном хозяйстве крупный рогатый скот и свиней, обрабатывали пашню и сенокосы. Сельчане имели работу и получали весьма неплохую зарплату.

Когда треста не стало, не стало и подсобного хозяйства. Население снова начало убывать. К началу девяностых годов в селе проживало немногим более шестидесяти человек.

В те годы в селе появилось крестьянско-фермерское хозяйство Степана Юхименко и заработал цех по переработке молока предпринимателя Сергея Белоносова. Но новую жизнь в село эти частные предприятия вдохнули ненадолго.

В администрации Валдгеймского сельского поселения сообщили, что Красный Восток – село умирающее, его население продолжает сокращаться, и сейчас там проживает меньше пятидесяти человек. Никакой социальной инфраструктуры, как и работы, в селе нет. В школу и детский сад детей возят в Валдгейм. Работать жители ездят в Биробиджан.

Не припомню, чтобы Красный Восток когда-либо отмечал свой юбилей. В этом году ему исполнилось 92 года.

Вот такая история.

С ровной асфальтированной дороги мы сворачиваем туда, куда показывает дорожный указатель – на Красный Восток. Машину начинает лихорадочно трясти, то и дело путь преграждают огромные лужи воды – моря разливанные. Наш водитель еле сдерживается от «комплиментов» в адрес убитой дороги и тех, кто должен ее поддерживать в нормальном состоянии.

Благо, расстояние от трассы невелико – около километра. А некоторые дома находятся еще ближе. Но ощущение такое, что село находится на отшибе, на огромном расстоянии от цивилизации. Время здесь как будто остановилось. Время, но не жизнь – она продолжается.

Первая встреча – с Виталием Костенко, хозяином добротной усадьбы. Дорога рядом с его домом более ровная, без колдобин и луж.

– А я сам ее подсыпаю. У меня маленький грузовичок есть, на нем привожу гравий, лопатой разравниваю. Больше никому эта дорога не нужна, я уже забыл, когда ее грейдеровали, – выплескивает наболевшее наш собеседник.

Красный Восток Виталий считает своей малой родиной, хотя привезли его сюда в семилетнем возрасте. Школы в селе никогда не было, семилетку окончил в Валдгейме. Уехать отсюда не помышлял. Работал в подсобном хозяйстве. Там же дояркой работала жена Елена. А вот дети в селе жить не захотели, переехали туда, где есть детский сад, школа, магазины и Дом культуры.

– Вот внучат привезли на лето, тут у нас спокойно, воздух чистый, потому что река, лес рядом, машины не газуют. Скучновато, конечно, но мы к этому привыкли. Зимой езжу на работу в город – я кочегарю в котельной на Сопке. Супруга хозяйством занимается. Скот не держим, но кролики есть. Огород садим большой, чтобы все свое было. Плохо, что нет в селе магазина, за любой мелочью ездим в город или Валдгейм. У меня свой транспорт есть, а многие добираются на перекладных или автобусами. Да еще до трассы дойти надо, – делится с нами Виталий. – Но отсюда я все равно не уеду, вот и дом свой недавно обновил.

– А что вас удерживает в селе?

– Тишина и покой. Я душой здесь отдыхаю.

Очень удивились и обрадовались, узнав, что есть в селе жительница по фамилии Фунтусова. А ведь поначалу село называли Фунтусихой. Уж не ее ли родственники были первыми жителями Красного Востока?

– Нет, я сюда в шестидесятые годы приехала, – развеяла наши сомнения баба Шура – Александра Владимировна Фунтусова. – Сама детдомовская, но знаю, что отец мой был евреем.

– Работала я дояркой в подсобном хозяйстве, от треста столовых получила квартиру в этом бараке. Но тогда он был новенький, мы радовались, что будем здесь жить. А тут недавно крышу перекрывать пришлось – протекала как решето. Сама с трудом хожу, с дочкой-инвалидом живу. Дочки в городе живут, оттуда продукты возят. Еще одна дочка в Израиль уехала, все меня в гости зовет, но куда я поеду со своими болячками, ноги еле ходят. Жить я тут привыкла, все друг друга знаем, бывает, поругаемся, но все равно живем как свои, родные. Земля тут хорошая, все родит, что ни посадишь. Помоложе была – ягоды и грибы собирать ходила, их много тут было. А еще напишите, что в прошлом году мы не могли в выборах участвовать – забыли про нас.

В этом же доме-бараке живет Евгения Анатольевна Костенко, мать Виталия, с которым мы общались накануне. Она тоже, как и соседка, много лет работала дояркой в подсобном хозяйстве треста.

Сейчас баба Женя – старейшая жительница Красного Востока, но о довоенных и послевоенных годах села знает лишь по рассказам сельских старожилов.

– Вроде как был тут колхоз «Красный пролетарий», а может, и «Красный Восток». Кто это помнил – на кладбище лежат. Знаю только, что никогда не было в селе школы, а клуб и магазин вроде были. Жить тут нам, пенсионерам, не скучно, привыкли, а вот молодежи точно делать нечего.

Еще одним нашим собеседником был Алексей Толстов – негласный староста Красного Востока, как сказали нам в поселенческой администрации.

– Да какой я староста, если только за пожарную безопасность отвечаю, – машет рукой Алексей. – Вы бы лучше про наши проблемы написали. Про столбы электрические, которые давно поменять пора, а поменяли только три опоры. Как сильный ветер, так без света сидим. Про дороги наши убитые. Про то, что столько деревьев на берегу Биры вырубили, которым расти и расти. Меня здесь земля держит – она у меня в собственности. А вот квартиры свои мы никак не можем в собственность обратить – после ликвидации треста пропали все документы на этот дом, который трест и строил. Жить тут живем, а продать или детям передать права не имеем. Опять же, работы нет.

– Но ведь рядом фермерское хозяйство Юхименко…

– Год назад хозяин умер, овощами там, по-моему никто не занимается.

В администрации поселения нам поведали, что живет на Красном Востоке переселенец из Амурзета Виктор Алексеевич Бурмистров и вроде бы построил он на Заречной улице новый дом.

– Из Биробиджана я в это тихое место приехал, а не из Амурзета, – уточняет Виктор. – А вот родился в тех краях, в селе Сталинск, которое утонуло. Потом всей семьей уехали в город, там я много лет шофером в грузовом автопредприятии отработал, даже получил звание «Лучший водитель Хабаровского края». А ушел на пенсию – захотелось покоя. Опять же, рыбачить люблю, по лесу походить, а тут все рядом.

– А где же ваш новый дом?

– Собираюсь строить, а пока живу в этой времянке. Вот собаками себя окружил.

– Почему их у вас так много?

– Это в основном приемыши. С соседних дач народ уезжает осенью, а собак оставляет. Не погибать же им с голоду.

– Не думаете в город вернуться?

– А зачем? – вопросом на вопрос ответил наш собеседник. – Нет, я теперь отсюда никуда.

Встретились мы и с Сергеем Белоносовым. Тем самым предпринимателем, который в лихие девяностые попытался открыть в этом маленьком селе свое дело. Хорошее дело – перерабатывать молоко, мясо, рыбу.

Я помню, как светились у него глаза, когда мы общались на областных выставках-ярмарках, где он демонстрировал свою продукцию.

Собственное предприятие Сергей открыл, выкупив у треста бывшее помещение фермы, водонапорную башню и котельную. Работали там в основном местные жители. В Валдгейме у предпринимателя был свой магазин, хорошо продавалась продукция Красного Востока и в Биробиджане.

– Да, все было хорошо, пока к нам в область не стало поступать более дешевое порошковое молоко из соседних областей. Наша более качественная, но и более дорогая продукция не выдержала этой конкуренции, спрос на нее упал. Да и скота в округе стало намного меньше. Пришлось закрыть свой бизнес. Но жить я, как видите, остался здесь, на Красном Востоке, в город не тянет. Иногда по заказу копчу рыбу, а так живу на пенсию. Пытался продать помещение цеха, кочегарку и башню, но никому это все не надо. Вот и приходится тут и жить, и сторожить, – невесело шутит бывший предприниматель.

– Вам нравится жить в этом селе?

– А куда от него денешься?

Действительно – куда? Да, Красный Восток трудно назвать красным селом, проблем здесь выше крыши, но удивительное дело – покидать эти места наши собеседники не собираются. Терпелив наш народ, привыкает к любым трудностям бытия. И все же хотелось бы видеть жизнь этого маленького села с двумя улочками – Заречной и Набережной – более комфортной, без убитой дороги и прогнивших столбов, с какой-никакой работой и хотя бы крошечным магазином. Вот тогда точно Красный Восток перестанет быть умирающим селом и не исчезнет с карты области, как многие другие маленькие села области.

Ирина Манойленко

Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 31.07.2019

Мы из Найфельда

Так с гордостью называют себя жители села, недавно отметившего свой юбилей

Немного истории

Это было третье село на территории будущей автономной области, основанное еврейскими переселенцами. Назвали его по аналогии с Бирофельдом – с идиша название Найфельд переводится как Новое поле. Можно сказать, у Бирсого поля появился младший брат.

Но если Бирофельд вырос на месте бывшего села Александровки, то история Найфельда начиналась на новой, необжитой территории. И место, выбранное для села, оказалось очень даже удачным, можно сказать, счастливым.

Имена самых первых жителей Найфельда не забыты – это семьи Городницких, Елхиных, Фрадкиных, Фурманов, Элентух. Приехали они из западных областей Украины. Можно сказать, были разведчиками. Уже через пять лет, когда образовалась ЕАО, в селе проживало больше ста человек – среди новых переселенцев были не только евреи, но и украинцы, русские. Они образовали колхоз «Эмес» («Правда»).

15 июня Найфельд большим и веселым праздником отметил свой юбилей. Вспоминали первых жителей, называли тех, кто прославил село раньше и награждали тех, кто достойно живет и трудится здесь сегодня.

Мы побывали в Найфельде спустя неделю после юбилейных торжеств. Встречи с жителями села были очень теплыми, найфельдцы с любовью и гордостью рассказывали о родном селе, добрым словом вспоминали своих близких, тревожились за будущее своей малой родины.

Николай Фурман – сын одного из первых переселенцев села Абрама Хаймовича Фурмана.

– Сколько я помню, отец всегда работал, он не знал, что такое отдыхать. До войны освоил трактор, после войны стал заправским комбайнером. Когда уходил на пенсию, ему совхоз подарил трактор «Беларусь», на котором он работал, и дом, в

котором наша семья жила. Но и на пенсии не сидел дома – работал на обработке зерна.

А дома любил заниматься садом, это была его гордость. К сожалению, прожил отец на пенсии недолго – всего семь лет, – рассказывает Николай.

Абрам Фурман вырастил не только сад, но и пятерых детей. В девяностые годы, когда не стало совхоза и бывшие земледельцы и животноводы лишились работы, четверо его детей уехали из Найфельда в Израиль. Сейчас там живет и вдова Абрама Хаймовича Лидия Степановна.

– А я вот остался, не решился уехать, бросить могилу отца. Люблю наше село, очень люблю. Был фермером, сейчас числюсь главой личного подсобного хозяйства. У меня есть свое, хоть и небольшое, поле, выращиваю картошку, сою. Животноводством помаленьку занимаюсь – развожу поросят редкой вьетнамской породы. Дом привожу в порядок, чтобы жилось не хуже, чем в городе, – делится с нами Николай Фурман.

Не так давно вернулся из Израиля его брат Михаил. Поселился в Биробиджане, но как только выпадает выходной, приезжает в Найфельд. Родина – это ведь не только существительное, но и притягательное слово. Даже если она малая.

Обрадовалась, когда узнала, что жива — здорова Евдокия Тимофеевна Пермина – старейшая жительница села. Мне довелось общаться с ней пятнадцать лет назад, когда Найфельд отмечал 75-летний юбилей.

Сейчас ей 92 года. Она – единственная в Найфельде переселенка довоенного времени и единственная же участница Великой Отечественной войны.

– Мы с мамой перед самой войной сюда приехали из Алтайского края. Мне уже четырнадцать лет было, так что все помню хорошо. Председателем колхоза «Эмес» был тогда Николай Борисович Городницкий. А когда началась война, он сразу ушел на фронт и больше не вернулся. В войну председателем стал Афанасий Карловский, ему тогда шестьдесят лет было и проработал он недолго. Его сменил Абрам Маркович Панич…

– А как вы попали на войну? – спрашиваем Евдокию Тимофеевну.

– На самой войне я не была, хотя очень хотела на фронт попасть. Когда окончила семилетку, поехала в военкомат – записываться добровольцем. Но вместо фронта попала я в армейскую мастерскую при 15-й армии Второго Дальневосточного фронта.

Находилась мастерская в Биробиджане. Шили и латали гимнастерки, обмотки под сапоги и другое солдатское и офицерское обмундирование. Много было работы, бывало, и ночи прихватывали. Мастерская закрылась только тогда, когда война с Японией кончилась.

Замуж Евдокия Тимофеевна вышла после войны за вернувшегося с фронта Трофима Пермина. Он был родом из Дежнево, туда и перевез жену. Прожили они там тринадцать лет и вернулись в Найфельд.

– Тесновато жили, дом маленький был, а детей шестеро. И никогда не забуду, как председатель нашего колхоза Владимир Израилевич Пеллер, когда переезжал работать в Валдгейм, позвал нас к себе и сказал, что свой дом и усадьбу хочет передать нам, как многодетной семье, нужно только наше согласие. Конечно же, мы согласились. Хотя все в Найфельде жалели, когда Пеллер уехал, он наш колхоз сильно поднял.

Мать Евдокии Перминой Евгения Ивановна Казанцева была передовой дояркой.

– По тридцать литров в день от коровы надаивала, в Москву на ВДНХ ее посылали, – говорит с гордостью дочь. – Я в двенадцать лет стала матери помогать, потом и сама дояркой была. Наше поколение легкого хлеба не искало, в работе мы не жалели себя. Считаю, что жизнь не зря прожила, детям и внукам за меня не стыдно.

– Двадцать три внука у мамочки, а правнуков еще больше. Она всегда примером для нас была и сейчас не жалуется на судьбу, такая оптимистка, – уверяла дочь Надежда.

Своих дочерей Евдокия Тимофеевна назвала Верой, Надеждой и Любовью, потому что всегда верила в хорошее, жила надеждой на лучшее и любила жизнь, какой бы трудной она ни была.

Найфельд отличается от других сел своей уникальной застройкой.

Его центральная часть больше напоминает городок – трехэтажные дома, оригинальные коттеджи с квартирами в два этажа, на которые приезжали смотреть иностранные туристы, мало похожи на типичный сельский пейзаж.

В одном из таких коттеджей живет вот уже почти тридцать лет Виктор Иванович Волков. Приехал сюда по направлению обкома партии, стал работать заместителем директора Петровского совхоза, руководил которым кавалер ордена Ленина Петр Михайлович Клименков.

– Пятьсот человек тогда в совхозе работало, – вспоминает наш собеседник. – Три отделения было – в Найфельде, Петровке и Русской Поляне. Очень славились наши овощеводы, неплохой была в Найфельде животноводческая бригада.

Помню и я найфельдских передовиков – овощеводческие бригады Веры Сорокиной и Нелли Скачковой, бригаду животноводов Людмилы Королевой. Вера Михайловна живет в коттедже на той же Центральной улице, Людмила Королева, ныне Соловченкова, возглавляет совет ветеранов села. А Нелли Скачкова, к сожалению, ушла из жизни.

– Сейчас на нашей улице, хоть она и называется Центральной, в основном тишина стоит, редко какая машина проедет, продолжает Виктор Волков. – А в совхозные времена с раннего утра гул стоял от машин и тракторов. Жизнь кипела. Есть, конечно, у нас и фермеры, и личные подсобные хозяйства, но там работа сезонная и поэтому многим жителям приходится ездить на работу в город.

Виктор Иванович родом из Поволжья, на Дальний Восток приехал по распределению вместе с женой Анной после окончания сельскохозяйственного техникума. Здесь он заочно окончил сельскохозяйственный институт, вырос от механика до руководителя. Работал в Бирофельде, Облучье, но окончательно бросил якорь в Найфельде.

Виктор Волков известен в селе и как автор нескольких книг. Одна из них – «Пересказы бабушки Матрены» – была издана в нашем издательском доме «Биробиджан», а несколько рассказов, вошедших в книгу, печатались на страницах «Биробиджанер штерн». Герои этих невыдуманных рассказов, написанных с добрым чувством юмора, – жители Найфельда. Как уверял автор книги, ему ничего не пришлось выдумывать, сюжеты сами шли в руки.

В другой книге Виктор Иванович собрал услышанные в селе анекдоты и местные словечки.

Любит читать, собрал богатую личную библиотеку. Недавно часть книг передал в дар сельской библиотеке.

Чтобы окунуться в девяностолетнюю историю Найфельда, мы пошли в школу. Там находится скромный музей, в котором собраны сведения о первых поселенцах, о жителях, прославивших село, о ветеранах войны и труда, о выпускниках школы. На одной из коллективных школьных фотографий мой коллега узнал своего двоюродного брата Михаила Брандмана, живущего сейчас в Израиле. Но для нынешней мобильной связи расстояния не страшны и фото по смартфону было сразу же отправлено на Ближний Восток, вызвав у получателя шквал положительных эмоций.

Нашим экскурсоводом по сельскому музею согласилась быть учитель Лариса Евгеньевна Жданюк.

– А ведь у нашего села есть и далекое прошлое. Посмотрите, сколько черепков и других интересных находок собрано в его окрестностях. Тут явно было поселение чжурчжэней. Так что правильное место для жизни выбрали переселенцы девяносто лет назад, – высказала свое мнение на этот счет наш гид.

Лариса Евгеньевна напомнила, что первый колхоз найфельдцы назвали «Эмес» («Правда»). А в начале пятидесятых, когда в разгаре была борьба со всем еврейским, за колхозом закрепилось русское название. И «Эмес» стал историей.

Хранится в музее память о первой учительнице села Александре Соломоновой. Школа была четырехклассной, и она все четыре класса учила одна, заодно была и школьным директором. А кто хотел учиться дальше, ходили пешком в Желтый Яр, где была семилетка.

Сейчас в Найфельде средняя школа. В шестидесятые и семидесятые годы прошлого века в ней насчитывалось до пятисот учеников, каждая вторая семья была многодетной.

– Было такое, что по три параллельных класса набирали. А несколько лет назад я приняла класс, где было всего пять учеников. Зарплату в то время поставили в зависимость от наполняемости класса и получала я за свой труд двенадцать тысяч рублей. Тогда в школу как раз пошло поколение демографического спада, – вспоминает Лариса Евгеньевна.

В этом году школа выпустила всего семь одиннадцатиклассников. А на фотографии того выпуска, в котором учился Миша Брандман, учеников в пять раз больше.

Не хватает в сельской школе не только учеников, но и учителей. Так что если у кого-то из выпускников нашего университета появится желание учить сельских ребят, он будет обеспечен не только работой, но и служебным жильем, как уверили в администрации поселения.

Заглянули мы и в очаги сельской культуры, которые находятся по соседству со школой. Там тоже хранится частичка истории Найфельда. Это и старинные вещи, переданные жителями, и альбомы с фотографиями бывших колхозных и совхозных передовиков, ветеранов войны и труда.

Директор Дома культуры Ирина Константинова родилась и выросла в Биробиджане, в Найфельд приехала по распределению, после окончания педучилища – воспитателем детского сада.

– Никогда не думала, что останусь здесь навсегда. К сельской жизни я настолько привыкла, что от города, когда там бываю, устаю. Люди здесь доброжелательные, нет такой отчужденности друг от друга, как в городе. И скучать не приходится – мероприятий много проводим, кружки работают – театральный, танцевальный, сольного пения. Жалко только, что наши бабушки «Задоринки» перестали петь, разболелись в последнее время.

Пообщались и с заведующей сельской библиотекой Светланой Девяшкиной. Большинство книжных стеллажей заставлены литературой, выпущенной еще в советские годы. Сохранились здесь и несколько книг на идише, которые библиотека хранит как раритеты.

– Новых книг в последние годы мы централизованно не получаем, в основном безвозмездно пополняют библиотечный фонд жители села. Из периодических изданий выписываем только одну газету – «Биробиджанер штерн», на большее денег нет. Хотелось бы и компьютер обновить, а лучше иметь их несколько, но…

Несмотря на эти «но», народная тропа в сельскую библиотеку не зарастает. Самые активные читатели – школьники и пенсионеры.

Когда-то Найфельд славился своей больницей – по-домашнему уютной, где персонал относился к пациентам поистине с материнской заботой. Пресловутая оптимизация внесла свои жесткие коррективы, и от больницы осталась одна амбулатория.

К пациентам здесь по-прежнему относятся заботливо, всех знают по именам, а не только по диагнозам.

– Своего постоянного врача в амбулатории нет, но к нам регулярно приезжает и ведет прием врач из районной больницы. Есть у нас своя аптека, есть палата дневного пребывания. Сейчас народу приходит поменьше – так в селе всегда бывает, летом болеть некогда, а зимой только успеваем принимать пациентов, – делится с нами участковая медсестра Роза Хисматуллина.

– А что с помещением больницы?

– Ничего, пустует весь второй этаж, где палаты находились.

А вот заброшенному зданию бывшей совхозной конторы применение нашли – уже не один год здесь, прямо в центре села, находится приют для бездомных людей под многообещающим названием «Маяк».

– Жильцы «Маяка» помогли нам организовать юбилей села, – рассказывает глава Найфельдского поселения Наталья Язвенко. – Праздник получился очень добрым, теплым, неказенным.

Мы беседуем с главой в просторном кабинете, который раньше был частью детского сада. Когда детсад, как и школа, стал «терять» детей, одно детсадовское крыло освободилось и в него переехала поселенческая администрация.

Наталья Язвенко возглавляет Найфельдское сельское поселение одиннадцать лет, а до этого была школьным учителем. Родилась и выросла в соседнем селе Петровка, которое тоже входит в состав поселения, как и Русская Поляна.

Пока мы общались с главой, в администрации не появилось ни одного посетителя.

– Почему к вам люди не идут, разве нет проблем в селе?

– Конечно, есть. И я их знаю от жителей, когда встречаюсь с ними на улицах, в общественных местах. Больше всего вопросов вызывает коммуналка, – платят люди за услуги большие деньги, а зимой получают маленькое тепло. И этой зимой многие мерзли. Управляющие компании меняются как перчатки. Но коммунальной сферой ведает район, и мы все же надеемся, что в ней наведут, наконец, порядок. Есть проблема безработицы, но спасает то, что село находится не очень далеко от города и автобусы ходят сюда часто – с шести утра до девяти вечера. И многие ездят в город на работу. Есть, конечно, у нас несколько фермерских хозяйств, но работают там только в сезон. Была ферма, но обанкротилась, закрылась. Есть частное предприятие по выращиванию грибов. Много личных подсобных хозяйств. Мы постарались сохранить в окрестностях села пастбища и сенокосы, чтобы было где пасти скот. Помогаем с пастухами. Сейчас в селе на подворьях 124 головы крупного рогатого скота, из них 53 коровы. Конечно, это меньше, чем было еще лет десять назад, но больше, чем во многих других селах района.

Наталья Анатольевна с удовольствием рассказывала о своих односельчанах. Как оказалось, в селе сохранились семейные династии, как в добрые совхозные времена. Когда-то славилось на всю область комсомольско-молодежное звено Виктора Малышенко, теперь в одном из фермерских хозяйств работает механизатором его сын Сергей. Фермеру Сергею Архипцеву помогает в делах сын Виктор.

В девяностые годы прошлого века в Найфельд стали активно переселяться бывшие северяне, пустили здесь крепкие корни и считают, что с селом им просто повезло. А Любовь Власовна Селина полвека назад переехала сюда из села Союзного и нашла здесь свою вторую родину.

Больше всего нас поразила в Найфельде идеальная чистота на улицах. И не только в центре, но и на окраинах. Не узрели мы ни брошенных бумажек, ни окурков, как ни пытались. И это еще раз убедило нас в том, что свое село найфельдцы любят не только на словах.

Ирина Манойленко

Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 26.06.2019 и 3.07.2019

У нас легко дышится

Так говорят о своей малой Родине жители села Ключевое. Они уверяют – здесь настолько добрая аура, что мало кто решается навсегда покинуть родные места

Немного истории

Датой рождения села считается 1932 год. Поселившиеся в этих местах, рядом с селом Дежневка, люди объединились в колхоз «Сталинский призыв». Вскоре после войны сюда переселилось несколько еврейских семей, приехавших из Крыма.

В 1958 году колхоз стал третьим отделением Волочаевского совхоза, а четыре года спустя, в 1962-м, населенный пункт приобрел свое нынешнее непроизводственное название – Ключевое.

В 1976 году в селе был образован Ключевской совхоз, где выращивали зерновые культуры, сою, овощи и занимались молочным животноводством.

В 1995 году совхоз был ликвидирован – можно сказать, стал первой жертвой начавшегося в области реформирования сельского хозяйства. Большинство жителей села враз приобрело статус безработных.

В 2007 году в Ключевом была закрыта начальная школа, а в 2008 году село лишилось и собственной администрации, став частью Николаевского городского поселения.

Тем не менее здесь сохранили детский сад, есть хорошо оснащенный фельдшерско-акушерский пункт, ключом бьет культурная жизнь, работает почтовое отделение, несколько магазинов. В Ключевом активно строятся новые жилые дома, здесь не увидишь брошенного жилья.

Наше знакомство с селом началось от автобусной остановки, где ребятня толпилась в ожидании школьного автобуса. Тут были и младшие дети, и старшеклассники. Спросили, кому из старших ребят повезло учиться в родной школе до ее закрытия, но таковых не нашлось. «А вот моя мама училась», – вспомнила одна из девчушек. «И моя тоже», – по школьной привычке подняла руку еще одна наша юная собеседница. Дети дружно признались, что от ежедневных поездок в Николаевку устают и хотели бы учиться в своем селе, где почти семьдесят лет имелась начальная школа.

До того, как школу закрыли, она сосуществовала в одном здании с детским садиком. Комплекс этот так и назывался: «Детский сад – школа». В одном крыле набирались ума-разума дошколята, в другом – ученики начальных классов. Теперь крылья поделились на младшую и старшую группы. А бывшая учительница Елена Анатольевна Карловская стала заведующей детским садом.

В садике тепло, уютно, в спальнях – удобные кроватки. Вот только игрушек маловато – средств на их покупку не выделяют, выручают родители и меценаты. Благодаря родителям в идеальном порядке содержится детская площадка.

Когда садик был совхозным, питались дети натуральным молоком и мясом от местных коров и бычков, овощами с сельских огородов.

– У нас при школе даже свой огород был, где мы выращивали морковь, свеклу, зелень к столу. Сейчас держим огород только в качестве наглядного пособия, – делится заведующая, – потому что на все продукты должен быть сертификат. Вот и приходится готовить каши на сгущенном молоке.

В садике больше сорока детей, даже из Николаевки привозят сюда дошколят. Говорят, что здесь почти домашняя атмосфера. Воспитатели не просто хорошие профессионалы, но и искренне любящие детей люди.

– А то, что школы не стало, это большая ошибка. В этом году у нас будет большой выпуск, мог бы набраться первый класс, но увы, – грустно констатитрует Елена Карловская.

Разговор о сельских проблемах продолжился в здании бывшей администрации села, где сейчас работают два специалиста от Николаевского городского поселения.

Главный специалист Елена Витушкина в селе родилась и выросла.

– Меня радует, что наше Ключевое благоустраивается, строится, что люди хотят здесь жить. Жаль, конечно, что никаких производств в селе больше не появилось после ликвидации совхоза, но нас спасает близость к Хабаровску, многие там нашли работу. Фермеров в селе нет, но есть личные подсобные хозяйства. Братья Карловские взяли землю по программе «Дальневосточный гектар», будут сельским хозяйством заниматься.

– А других желающих не нашлось?

– Пока нет, а вот из других регионов, даже из Москвы нашлись такие желающие. Некоторым выделили землю, занятую огородами наших жителей. Пришлось обращаться в суд, тут нам помог Бирземпроект и его руководитель Татьяна Викторовна Гладких, спасибо ей огромное. В общем, отстояли свою землю. После этого многие жители оформили свои участки в двадцать, тридцать соток по программе «Дальневосточный гектар».

В последние годы, по словам Елены Витушкиной, в селе начался настоящий строительный бум. За неполных два года здесь появилось двенадцать новых домов.

Мы обратили внимание, что в селе стало много двухэтажных домов – в совхозные времена такого не было.

Не увидели мы брошенных домов, как в других малых селах. Удивили и здешние цены – квартиры и дома в Ключевом стоят примерно столько, а то и больше, чем в Биробиджане.

– У нас тут за один чистый воздух надо платить – село в свое время перенесли от федеральной трассы, плохо только, что автобусы перестали заходить к нам из-за разбитой дороги. Дороги и еще освещение – вот две наших беды, наша головная боль. Но бюджет поселения настолько мал, что и в самой Николаевке дороги и освещение не лучше. Остается только надеяться и ждать, – делится с нами Елена Витушкина.

Говорили мы и о закрытой школе.

– Мы пытались ее отстоять, очень пытались и, можно сказать, отстояли, тем более что в тот год из садика выпустили семнадцать детей – будущих первоклашек. Но обстоятельства сложились не в нашу пользу, школу все-таки закрыли, и об этом многие теперь сожалеют. Ведь в селе сейчас сто одиннадцать детей школьного возраста, в детском саду – больше сорока. А всего детей до 18 лет – 237, это точная цифра. Молодых семей у нас 187, значит, дети еще будут прибавляться. Пенсионеров же в селе 145, так что стареющим его никак не назовешь. За последние годы население перестало убывать, как было в девяностые годы и сейчас у нас проживает почти тысяча человек, числится 286 дворов. Жалко, что скота люди стали мало держать – на все село осталось всего 27 коров.

Цифры Елена Витушкина называет, как таблицу умножения – по памяти, никуда не заглядывая. Напоминаем ей, что лет десять назад в Ключевом собирались строить крупный животноводческий комплекс, даже место под него отвели и застолбили. А потом планы поменялись. Почему?

– Да, это было ровно десять лет назад, в 2008 году. Мы тогда обрадовались – хоть одно предприятие в селе теперь будет, тем более что обещали построить и оснастить комплекс по самой современной технологии. А вот на вопрос, почему не построили, не могу ответить – никто нас об этом не информировал, все покрылось туманом. Так что план оказался прожектом, не более.

Прощаемся с хозяйкой села и отправляемся на встречу с хозяйкой одной из лучших сельских усадеб Любовью Ригой, которая оказалась родной мамой Елены Витушкиной.

Любовь Устиновна много лет работала в совхозе – была бухгалтером, председателем рабочкома – так назывался совхозный профком.

А когда совхоза не стало, долго искала работу в городе. Но нашла ее потом в своем селе – ей предложили возглавить Дом культуры.

– Так вот и стала культработником. Можно сказать, второе дыхание у меня открылось, да и помощницы у меня каких поискать. Зарплаты у нас невеликие, а недавно урезали ставки и директора, и библиотекаря, но работаем, как и работали – в полную силу. Сейчас я в отпуске, вот только что из Хабаровска вернулась, а вы на пороге, – добродушно сетует Любовь Устиновна.

Двор ее буквально утопает в цветах.

– Самые красивые уже отцвели, остались самые стойкие. Вот если бы в августе приехали…

Любовь Рига вспоминает своих родителей, приехавших в село в 1938 году по переселению.

– Всю жизнь проработали они сначала в колхозе, потом в совхозе. И я после учебы вернулась домой. Рада, что мои дети – два сына и дочь – тоже остались жить в Ключевом. Я очень люблю свое село и его есть за что любить, – произносит она с волнением в голосе.

Эти искренние признания в любви к своей малой родине мы слышали от жителей Ключевого потом не один раз.

В историю села была вписана и еврейская страничка.

На улице Молодежной живет уже много лет Софья Давидовна Попова, мама доброй половины жителей Ключевого. И вот что она нам поведала:

– После войны, в 1947 году, в село приехало по переселению из Крыма несколько еврейских семей. Попробую по памяти их назвать – Винник, Цигельман, Скотланд, Рыбниковы, Аваденко, Гитель, Столяровы – мои родители. Мама, Люся Шмульевна, стала работать секретарем в сельском Совете, папа, Давид Наумович, устроился в колхоз «Сталинский призыв» плотником. Я родилась уже здесь в 1948 году. И, представьте, никогда никуда отсюда даже в отпуск не уезжала, разве что в соседний Хабаровск. И еще в Биробиджан, когда в педучилище на дошкольное отделение поступила. Получила диплом и сюда обратно вернулась, воспитательницей в детский сад. Потом меня назначили заведующей. Детей, помню, стало так много, что пришлось второй детсад открыть. И руководила я уже двумя садами. Помню, котельной тогда не было, а было семь печей и мне самой часто приходилось их топить. Бывало, только уйду в отпуск, а меня в контору зовут, просят вернуться. А я и рада – очень любила свою работу, детишек. Садики совхозными были и, бывало, приходилось ругаться, что ремонт вовремя не сделали или дрова не подвезли. Но такое редко бывало, начальство меня побаивалось. Вот так и доработала до пенсии, а сейчас внуков воспитывать помогаю. Их у меня пятеро, но двое в Израиле живут, куда сын уехал пятнадцать лет назад, а трое здесь, в Ключевом. Одну внучку в мою честь назвали – Сонечкой. С ними мне не так скучно. Когда с мужем, детьми жила, большое хозяйство держали, даже две коровы было, а сейчас только огород остался да двое поросят – сын помогает с ними

управляться. Пенсия у меня маленькая – десять с половиной тысяч, без хозяйства не выжить. А тут еще забор завалился, пришлось в банке кредит брать. Но ничего, бывали и хуже времена.

– Сын в Израиль не зовет к себе?

– Он знает, что никуда я отсюда не тронусь, поэтому и не зовет. Здесь я уважаемый человек, все меня знают, никто даже словом плохим не обидит. И еще вот что скажу – за все годы, что я в Ключевом живу, ни один человек не напомнил мне, что я еврейка – по моему, тут и слова антисемитизм многие просто не знали. Родители мои говорили на идише, а вот нас не учили, и теперь я жалею об этом. Мало рассказывали они и о себе, так что я свою родословную знаю только до бабушки. Много лет получала помощь от общины «Фрейд», спасибо ей. Помню, на Новый год такие чудесные подарки привезли внукам из Биробиджана, что они до сих пор их вспоминают.

Сорок лет отработала Софья Давидовна в детском саду, добрая половина жителей Ключевого – ее бывшие воспитанники.

– Она удивительно добрый человек, никогда не повышала на детей голос. Успокаивала спокойным тоном, погладит по голове или по руке, посмотрит, улыбнется – и вся методика, – рассказывали жители села.

С Софьей Соломоновной Козолей мы встретились как старые знакомые – я знала ее еще с совхозных времен, когда она работала дояркой на молочно-товарной ферме.

Когда совхоза не стало, до пенсии ей оставалось почти десять лет. Так эти годы и были вычеркнуты из ее трудового стажа, хотя он и без них был большой – на ферме Софья Козолей работала с четырнадцати лет, была на хорошем счету, в передовиках. Но ее труд оценили в итоге десятью тысячами пенсионных рублей.

– Да нам с Надюшкой хватает, у нее пенсия по инвалидности больше моей. Летом я в город зелень вожу, она у меня хорошая, особенно укроп. Овощи в этом году хуже уродились, чем в прошлом, но нам хватило и на еду, и банки закрутить. А гляньте, какие у нас тыквы и кабачки! Вот этот сорт кабачка с тоненькой шеей, говорят, израильский, но в нашем климате хорошо растет. А вкусный какой! Раньше мы корову держали и другую скотину, а теперь с огородом бы управиться – здоровье уже не то. У меня от мамы привычка – и в огороде, и в доме должна быть идеальная чистота. Ни пылинки, ни соринки. И посуда чтоб блестела. Мамы уже девять лет нет с нами, а ее наука со мной осталась, я теперь ее дочке передаю.

Мать Софьи Ольга Максимовна приехала в Ключевое в послевоенные годы, пережив на Украине оккупацию и побывав в фашистской неволе.

– Мама рассказывала, что когда их освободили, она упала в обморок – и от радости, и от голода. Но когда на Украину вернулась, там еще голодней было. Мой еврейский папа ее, можно сказать, от голода спас, когда с войны пришел, а потом на

Дальний Восток увез. Сперва в Смидовиче жили, там папа и умер. В шестидесятые сюда приехали, когда образовался Ключевской совхоз. Мама тоже на ферме работала, я ей помогала девчонкой, а потом и сама дояркой туда устроилась. Поверите – до сих пор снится, как коров дою.

На жизнь моя собеседница ни разу не пожаловалась, пока говорили, улыбка не сходила с ее лица. Правда, нахмурилась немного, когда рассказала о конфликте с соседями, которые стали сливать канализационные стоки в придорожный кювет, что возле ее дома. Софья Соломоновна всегда сама очищает этот кювет, обсаживает цветами, чтоб глаза радовались красоте. А тут совсем не цветочными ароматами запахло. И ей, неконфликтному человеку, пришлось вступить в борьбу за свои права. Права-то отстояла, но напряженные отношения с соседями остались, и это ее тяготит.

– А еще ко мне кошек да собак подбрасывают – знают, что я их выхожу. Из шести кошек и котов только Рыжик свой, родной, остальные приемыши и найденыши. Собак поменьше – три, двое из них подкидыши. Такими доходягами были, а теперь вон как округлились, – по тону в голосе чувствуется, как любит хозяйка дома своих приемышей и подкидышей.

Любит Софья Козолей и свое родное село, участвует в конкурсах на лучшую усадьбу, с удовольствием ходит на сельские праздники.

А праздники устраивать в Ключевом умеют. В прошлом году, в сентябре, шумно и весело отметили юбилей села. На Новый год в Доме культуры устраивают елку и для детей, и для взрослых – с веселыми представлениями, розыгрышами. Три года назад в селе установили памятник погибшим односельчанам – и теперь в День Победы к нему приходят и стар и млад, а по главной улице проходит свой сельский Бессмертный полк. В тот день, когда мы приехали, здесь готовились отметить День дошкольного работника.

В фойе ДК на стендах множество фотографий о жизни села – эту фотолетопись ведет художественный руководитель очага культуры Наталья Михайлусенко.

Ключевому просто повезло, что два десятка лет назад семья Наташи с далекого севера переехала сюда на жительство.

– Я влюбилась в село с первого взгляда, здесь даже дышится по-другому, легко, воздух хочется пить. Когда начинаю фотографировать, не устаю восхищаться, как же все красиво! А хотите, я вам фильм о селе покажу? Увидите нашу природу, посмотрите, как наши детки умеют танцевать.

Пейзажи восхитили, но еще больший восторг вызвали танцующие дети. Это был ансамбль «Березка» в миниатюре.

– Танцы я создаю сама, экспериментирую, но многое беру от «Березки». Когда мы в Николаевке на смотре выступали, нам сказали, что наш коллектив может смело

претендовать на звание образцового. Но мы пока не будем торопиться. У нас семь кружков в ДК, но самый большой – танцевальный, сорок детей в нем. Я отбора не делаю, всех, кто пришел, беру. Костюмы шью сама – нам несколько лет назад «Единая Россия» помогла приобрести ткань, машинку. Так что я еще и модельер, и швея на общественных началах.

Если в городе с родителей большие деньги за костюмы берут, то мы одеваем танцоров за свой счет. И шьем сами, и стираем, и гладим.

Кроме танцев, с детьми занимаются вокалом, художественным чтением, юные театралы устраивают спектакли. Девочки учатся рукоделию, есть при ДК подростковый клуб «Алые паруса», а для взрослых – воскресный клуб «Улыбка». Устраивают культработники и спортивные соревнования.

– Наши дети школьные кружки не могут посещать, вот мы и стараемся, чтобы хотя бы в Доме культуры они чему-то научились, – говорит Наталья.

Ее семья поселилась в Ключевом прочно и надолго, построила большой двухэтажный дом с удобствами, сейчас обустраивает- окультуривает усадьбу. При этом и корову держат, и другой скот. В общем, городской стиль прочно смешался с сельским укладом.

Так получилось, что встречались мы в Ключевом, если не считать мальчишек, в основном с женской половиной села. Мужчины в это время трудились либо на вахте, либо в соседнем Хабаровске. А пенсионеров среди представителей сильного пола осталось, увы, немного. Ушел из жизни и старейшина села Александр Иванович Карловский, отработавший почти полвека на совхозных полях. Но остались здесь его сыновья, внуки, правнуки. У них теперь своя земля, собственная, от которой не оторвешься. Жизнь продолжается.

Ирина Манойленко

Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 26.09.2018

Село орденоносных женщин

По числу трудовых наград на душу населения маленькую Алексеевку можно смело назвать рекордсменом.

Большинство этих наград заслужили животноводы. В активе бывших совхозных тружениц – ордена Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Трудовой Славы, не говоря уже о медалях, почетных знаках и грамотах. Есть в этом селе и самая орденоносная семейная династия, где на долю трех сестер приходилось пять орденов.

Историческая справка

Село Алексеевка было основано в 1912 году на волне последнего дореволюционного переселения на Дальний Восток. Первыми его жителями стали переселенцы из Украины, Задонщины и Окламенска – так тогда называлась нынешняя столица Казахстана Астана. Самый первый дом здесь построил переселенец Алексеев – в его честь и решили назвать село.

В 1914 году почти всех мужчин призвали на русско-германскую войну. Кто-то вернулся, кто-то нет, а потом – революция, Гражданская война. В каждом втором дворе дети росли без отцов. Но беды не оставляли село и после революции и войн. В 1921 году здесь случилась настолько сильная засуха, что начался голод. А вскоре село охватил мощный пожар и многие жители навсегда уехали отсюда – кто обратно на запад, кто в другие села Дальнего Востока. Но если несколько окрестных сел, тоже пострадавших от огня, перестали потом существовать, Алексеевка вопреки всем невзгодам выжила, выстояла и в тридцатые годы здесь образовался крепкий колхоз.

Когда началась Великая Отечественная война, жители села, проводив почти всех мужчин на защиту Родины, стали работать «для фронта, для победы». А в октябре 1941 года они обратились с письмом ко всем колхозникам области, в котором призывали их не жалеть ни сил, ни средств для ускорения победы над врагом.

«Одними из первых, говорилось в письме, мы полностью рассчитались с государством по всем видам поставок. Мы стремимся дать нашей горячо

любимой Красной Армии как можно больше сельскохозяйственных продуктов. В последнее время продали государству 200 тонн картофеля, 80 тонн капусты в порядке государственных закупок. Колхозник Иосиф Шустерман продал 3 центнера картофеля из собственных запасов. Продают картофель и другие колхозники. Каждый из нас обязуется продать государству не менее 2 центнеров картофеля из собственных запасов. Мы призываем всех колхозников Еврейской автономной области последовать нашему примеру – продать излишки картофеля и других продуктов государству…».

Это письмо, напечатанное в областной газете, вызвало большой резонанс, примеру алексеевских колхозников последовали жители других сел.

Спустя четверть века после войны, в начале семидесятых, маленькая Алексеевка снова оказалась на слуху – в этот раз благодаря успехам здешних животноводов.

Валентина Андреевна Борисова, Любовь Андреевна Наумец, Анна Андреевна Колобухина – те самые сестры, получившие за свой труд пять орденов на троих. Мне приходилось бывать на этой ферме в восьмидесятые годы. Здесь всегда царили порядок и чистота, люди держались за свою нелегкую работу, ценили ее, старались не подвести друг друга. «В Алексеевке коров не только чистят, но и моют с мылом, а устроиться туда дояркой невозможно – все занято», – передавалось о здешней ферме из уст в уста.

… Идем по тихой сельской улице под названием Новая, которая лет сорок назад была таковой, а теперь заметно состарилась, как и другие улицы села. Здесь, на самом краю Новой, в доме, построенном в совхозные времена, живет Валентина Андреевна Борисова, одна из трех орденоносных сестер. В 1970-е годы она получила две высоких награды – вначале орден «Знак Почета», а потом орден Ленина.

– Даже не ожидала, что вы вспомните обо мне. Проходите в хату, – приглашает радушная хозяйка.

Располагаемся на чистенькой кухне, Валентина Андреевна выносит из комнаты коробочку, где хранит оба ордена. Награды от времени, а может, и от долгого лежания, потускнели. Спрашиваем, когда хозяйка в последний раз надевала их?

– Да я уж и не помню когда. По-моему, как совхоза не стало, так они в коробочке и лежат. А куда надевать? Кроме магазина да к своим я никуда не хожу.

Говорит Валентина Андреевна с чуть заметным украинским акцентом. Это передалось от родителей, которые переселились в Алексеевку с Черниговщины. Сама же она родилась уже здесь, в победном сорок пятом, жила их многодетная семья трудно, особенно когда не стало отца.

– Когда школьницей была, бегала на ферму старшей сестре помогать, а как семилетку окончила, самостоятельно работать стала. Пятнадцать лет мне тогда было. Но скидок на возраст мне никто не давал, как и у всех, в группе было восемнадцать коров. И доить их надо было руками, только лет через десять появились на ферме доильные аппараты. Первое время рук не чувствовала, потом привыкла. В шестидесятые годы очень тяжело было с кормами, коровы еле на ногах стояли, от некоторых грамм по двести надаивали за день. А потом полегче с кормами стало, и скоро наших коровок было не узнать. Как же мы над ними тряслись!

– И даже мыли, – напоминаю.

– Мыли обязательно, с мылом, потом обтирали. Хвосты расчесывали – были у нас специальные гребни. Со скотниками ругались, когда они плохо стойла почистят. Дорожили своей репутацией, молоко с нашей фермы всегда поступало чистое, с хорошей жирностью.

В 1971 году Валентина Борисова и ее старшая сестра Любовь Наумец были награждены орденом «Знак Почета». Валентине тогда было всего 26 лет. А через три года, в 1974-м, в областной газете был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, где фигурировали фамилии всех трех сестер. Валентину наградили орденом Ленина, Любовь – орденом Октябрьской Революции, а самую младшую Анну – орденом «Знак Почета».

– Получали мы ордена в один день в Хабаровске, вот общая фотография всех награжденных, а это мы, – показывает хозяйка. – Мне тогда двадцать девять лет было всего, а Галке еще меньше.

Галкой она называет Анну – в украинских семьях так бывает часто, когда Анна становится Ганной, потом Галиной.

После получения ордена Ленина Валентина Андреевна вступила в партию, а в 1976 году была избрана делегатом XXV партийного съезда. Так она впервые побывала в Москве.

От того времени остался у нее большой альбом с фотографиями, который вручали по окончании съезда каждому делегату. «Это мы с космонавтами, а это уже и не помню кто. Нас на экскурсии возили, всю Москву увидела тогда»,– вспоминает Валентина Андреевна.

Потом ее два раза избирали депутатом областного Совета, несколько раз была районным депутатом. В своем селе она в те годы была знаменитостью, самым известным человеком. Но не зазналась, много помогала землякам как депутат.

В семейной жизни ей тоже везло – любящий муж, трое детей.

– У нас с мужем много было общих увлечений, часто уезжали на природу, на рыбалку, когда уже на пенсии были. А теперь вот одна осталась. Но дети здесь, в Алексеевке живут, родни много, так что, есть с кем пообщаться. Выписываю и

читаю газеты, за новостями по телевизору слежу, дети и внуки рассказывают, что узнали в Интернете. Огород, дом не дает скучать. Держали одно время корову, а теперь только куры из живности остались.

Когда совхоз был ликвидирован и не стало фермы, Валентине оставалось до пенсии всего два года. Устроиться в маленьком селе было негде, и все эти два года она была безработной.

– Так больно было и обидно, что все порушили, много слез я тогда выплакала. И не одна я. Мы ведь на ферме были как одна семья, в работе вместе, в праздники, всегда помогали друг дружке.

Сегодня в Алексеевке есть небольшая ферма, принадлежащая крестьянско-фермерскому хозяйству Александра Ларика, вернее, одному из его сыновей.

– Плохо там – коровы в сырости стоят, потому что на болоте ферма построена, а ведь можно было построить там, где совхозные коровники стояли, – рассуждает Валентина Борисова.

Кроме нее и двух ее сестер, награды получили в те годы и другие животноводы – кавалерами ордена Трудовой Славы стали Валентина Николаевна Смирнова и Валентина Петровна Павлычева.

Валентина Смирнова живет на той же Новой улице. Она и ее муж Валентин Александрович – старейшины Алексеевки по возрасту. А приехали они сюда в шестидесятых годах из Ивановской области.

– Нас здесь несколько семей ивановских живет. Вот и мы прижились. Было, что уезжали, но вернулись обратно – привыкли к селу, люди тут хорошие, все свои, родные да знакомые.

Родные – это трое детей Валентины и Валентина Смирновых, которые остались жить в Алексеевке. Одна дочь ездит на работу в соседний Бирофельд, другая держит большое хозяйство, сын работает в фермерском хозяйстве. А вот внуки и правнуки стали городскими жителями.

Усадьба у Смирновых большая и ухоженная, а в тот день, когда мы их навестили, Валентин Александрович занимался ремонтом бани.

– Венцы подгнили, вот буду их менять. Теперь плотничаю, столярничаю для себя, а в совхозе и трактористом работал, и шофером. Но в селе и на пенсии не заскучаешь, только бы здоровье было, – делится с нами ветеран.

Еще одна обладательница ордена Трудовой Славы Валентина Петровна Павлычева тоже продолжает жить в Алексеевке, болеет, но, как говорится, на своих ногах, а летом приезжают внуки – и отдыхают, и по хозяйству помогают.

Владимир Федорович Чернышев тоже приехал в Алексеевку из Ивановской области. И тоже живет на Центральной улице. Вместе с двумя сыновьями держит два десятка голов живности – коров, бычков, телят.

– Надеяться не на кого, только на себя. Сыновья в сезон устраиваются к фермеру работать, но на зарплату в девять-десять тысяч не проживешь. А в основном мужики, кто помоложе, на вахту ездят работать, – вводит нас в курс дела Владимир Федорович.

Алексеевка много лет была отделением Бобрихинского совхоза, центральная усадьба которого находилась в Бирофельде. Еще в совхозные времена здесь закрыли начальную школу, но улица Школьная, где осталось всего несколько домов, названия не поменяла. Построенный совхозом детский садик перепрофилировали под Дом культуры, библиотеку, медпункт и магазин – детей дошкольного возраста в Алексеевке почти не осталось.

В конце восьмидесятых в Алексеевке решили застроить новыми домами улицу Центральную. Снесли старые дома, поставили фундаменты для новых, но начались девяностые развальные годы и стройка прекратилась. За почти тридцать лет на месте непостроенных домов выросли огромные деревья – идешь по улице, как по лесу.

На автобусной остановке пообщались еще с одной сельской жительницей – Татьяной Старцевой. Она увозила в город внучку.

– Мне еще повезло в своей школе учиться, а детей в сельский садик водить. Работала я дояркой на совхозной ферме, а когда ее не стало, смогла только уборщицей на маленькую зарплату устроиться. Поэтому и пенсия такая, что без своего хозяйства не выжить. И еще детям помогаем – они в городе квартиру снимают, – рассказала Татьяна Борисовна.

Ее отец Борис Андреевич Наумец был передовым механизатором, тоже имел награды. Оказалось, что это родной брат Валентины Борисовой. К сожалению, до наших дней он не дожил.

А Алексеевка продолжает жить. Маленькое, но удаленькое село вопреки всем невзгодам выстояло, выдержало удары судьбы, хотя и не без потерь. И пусть все его невзгоды останутся в прошлом, а в настоящем и будущем будут только добрые перемены.

Ирина Манойленко

Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 12.07.2018

От казачьей станицы…

Если Биробиджанский район готовится отметить свое 75-летие, то старейшему его селу – Головино – в будущем году исполнится 160 лет. Получается, что оно старше района в два с лишним раза

Первые жители – забайкальские казаки – появились в здешних местах, на амурском берегу, в 1858 году. Назвали станицу в честь якутского воеводы Петра Петровича Головина, организовавшего первую экспедицию на Амур.

Посетивший Головино в 1860 году ученый-этнограф С. Максимов так описал увиденное:

«По левому берегу выстроено семь домов в ряд – ст. Головина, построенная наполовину из леса, приплавленного из Забайкалья, остальная половина – бревна осиновые, местные. К числу общих казачьих повинностей в этой станице присоединилось еще содержание перевозов на двух соседних речках – одна в четырех верстах от станицы, другая в одной версте».

Через двадцать с лишним лет в Головино проживало около пятисот человек, были церковь, школа, две хлебных лавки, две конных мельницы, почтовая станция. Сегодня населения в селе вдвое меньше.

Жили здешние казаки в основном справно, зажиточно. Поэтому и советскую власть не все приняли, как и всеобщую коллективизацию. Все это обернется потом против них – более семидесяти жителей села в тридцатые годы были репрессированы и раскулачены.

Репрессии выкосили головинских мужчин чище, чем война, где погибло четверо жителей села. Погибшим поставлен скромный памятник, память о репрессированных хранится в их семьях.

Головино стоит почти на самой российско-китайской границе, рядом с селом – пограничная застава Головинская. Здесь даже названия улиц напоминают о близости границы – Пограничная, Заставский переулок.

К своему пограничному состоянию головинцы привыкли. На почте нас сразу предупредили: «Постарайтесь сами не звонить по сотовому и звонки не принимать,

иначе придется платить по роумингу как будто вы из Китая звонили». И как же я удивилась, когда мне на телефон пришло две смски, в которых меня приветствовали… с прибытием в Китай.

До Надеждинского – соседнего с Головином села – мы ехали по гладкой асфальтированной дороге. А дальше асфальт кончился и машину забило, затрясло, как в лихорадке. В середине пути асфальт ненадолго появился, а потом все повторилось.

Два года назад, совершая предвыборный марафон, будущий губернатор области Александр Левинталь заехал в Головино, пообщался с пострадавшими от наводнения жителями, побывал в нескольких домах новоселов. Зашла речь и о дороге, мол, дотянут до села асфальт или так и будем трястись и пыль глотать? Автор этих строк присутствовала при губернаторском общении с народом и запомнила, что хорошую дорогу было обещано сделать в течение трех-четырех лет. Но дорожной техники на этом отрезке пути так и не появилось. Разве что грейдер изредка прикатает гравий.

Какое самое посещаемое место в селе? Правильно, магазин или почта. Туда мы и решили в первую очередь заглянуть.

Продавец Лидия Улыбина разговаривала с нами охотно, даже улыбнулась несколько раз. Она приехала в Головино по распределению, окончив библиотечное отделение Биробиджанского культпросветучилища, стала работать по специальности – библиотекарем. Вышла замуж за местного парня.

– Так и осталась здесь. Я в хорошую семью попала – моя свекровь Галина Фадеевна Улыбина добрейшим человеком была, в войну за двоих работала. И село мне понравилось – природа хорошая, народ в основном отзывчивый. А десять лет назад ставку библиотекаря сократили и мне пришлось сменить профессию. Ничего, привыкла. Товар нам привозят регулярно, хлеб через день, люди не жалуются.

Ассортимент продуктовой части смешанного магазина был достаточно разнообразным, хозяйственный отдел выглядел поскромнее. Да и тесно в стареньком помещении, развернуться негде.

– Наталья Юрьевна рядом новый магазин строит, тогда и развернемся, – сообщила Лидия Улыбина хорошую новость.

Наталья Михайлова – предприниматель, хозяйка нескольких магазинов в районе. Новое здание магазина в Головино почти построено, осталось довести его до ума.

Почта от магазина близко, достаточно перейти дорогу. Хозяйка почтового отделения Любовь Попова стала за десять лет работы специалистом широкого профиля. Выдает пенсии и пособия, оформляет сим-карты, платежи за телефон, свет. Сама разносит по домам корреспонденцию, благо, сумка почтальона теперь

совсем не тяжела – газет сельчане выписывают совсем мало, письма тоже приходят редко. Зато мобильная связь имеется от трех операторов, работает интернет.

Любовь Михайловна в Головино родилась и выросла, потом их семья уезжала отсюда, но вскоре вернулась.

– Теперь уже, наверное, навсегда. Здесь все родное, хотя тяжело смотреть, как стареет село. Ведь мои основные клиенты – это пенсионеры. Кстати, они и самые активные читатели. А вот областные газеты выписывать многим из них не по карману – дорого. Молодым здесь тяжело, работать негде. Моей дочке повезло, что на заставе служит, но местных там совсем мало, – поделилась Любовь Михайловна.

Во дворе одного из домов увидели трех лошадей и пасущихся овечек. Окликаем хозяина, он представляется – Спиридонов Николай Григорьевич, сюда приехал жить пятнадцать лет назад из Желтого Яра. Месяц назад женился.

«Молодожен» рассказал, что в Головино скотину держать легче, хотя и тут многие пастбища перепахали. Показал нам свой технический парк – старенький МТЗ, который променял на кобылу, конную косилку, сани и телегу, которые сделал своими руками. Похвастался: «Я и сварщик, и тракторист, и кузнец, в колхозе меня ценили». Здесь, как мы поняли, ретро-услуги мастерового желтояровца не так востребованы, и конная косилка чаще всего работает на самого хозяина.

После наводнения пострадавшим жителям села построили новые дома, решили мы пообщаться и с недавними новоселами. Живущая на улице Гвардейской Любовь Грачева поделилась не такими далекими воспоминаниями, как долго высушивали дом, выводили появившийся на стенах грибок.

– А вот у соседей терпения не хватило на это – не стали они в новом доме жить.

Не стала жить в новом доме на той же Гвардейской улице и семья Иванушка – он так и стоит под замком, а живут несостоявшиеся новоселы в своей старой хате, признанной негодной для проживания.

– Муж от этих переживаний стал болеть и умер год назад, – рассказывает, еле сдерживая слезы, Любовь Егоровна Иванушка. – Там пол дыбом поднялся, а когда мы попросили, чтоб строители брак устранили, нам отказали.

Сестра Любови Егоровны Сталина Шут тоже стала жертвой наводнения, дом ее сильно пострадал, но комиссия признала его годным для проживания. Только не рискует там жить хозяйка зимой, да и летом в основном только навещает, хотя село свое любит, много лет заведовала сельским клубом. Сейчас здесь можно увидеть генеалогическое древо казачьих семей Кушнаревых и Колобовых, составленное Сталиной Егоровной несколько лет назад.

Нынешняя заведующая клубом Оксана Кушнарева тоже из этого рода.

– Теперь я хоть знаю своих прабабушек и прадедушек, могу экскурсии проводить по своей родословной, – говорит Оксана.

Клуб в Головино старый-престарый, давно не видевший ремонта. Сколько ему лет, Оксана затруднилась сказать.

– Спасибо, хоть памятник помог нам предприниматель Владимир Трапезников в порядок привести, сегодня вечером проведу там мероприятие с детьми (был день 22 июня).

Оксана учится заочно в колледже культуры и искусств, тему для диплома выбрала приближенную к родине – «Развитие ЕАО и села Головино». «Вот только очень мало информации о нашем селе», – сетует она.

– А я почти ничего не знаю о своем деде Никите Подойницыне, хотя это был удивительный человек, но судьба столько испытаний ему послала. Бабушка моя из казачьего рода Колобовых, мне даже показывали, где были поля нашей семьи до революции, это чуть подальше, чем те поля, где я пшеницу посадил.

Владимир Подойницын в Головино единственный фермер. Пашни у него немного, поэтому за трактор и комбайн садится в основном сам. Недавно купил по лизингу отечественный комбайн и теперь ждет, когда доспеет заколосившаяся пашня – зерновыми Владимир засеял сто гектаров, севооборот старается соблюдать.

Порадовала встреча с еще одним крепким хозяином Сергеем Ивановичем Русаковым, тоже из казачьего рода. Он не фермер, а владелец крупного личного подсобного хозяйства, в теплицах и на поле выращивает картошку и овощи, возит их на продажу в Биробиджан. Занимается для души пчеловодством. В его хозяйстве две коровы и три быка, другая живность. Молоко исправно забирает у сельчан завод «БиПиКо-сыр» по двадцать рублей за литр. Даже с четырехрублевой дотацией эта цена почти втрое меньше розничной. Поэтому коров в селе наперечет.

Сергею Ивановичу и его детям повезло учиться в своей сельской школе-четырехлетке. А вот внукам придется ездить в соседнее село – ни школы, ни детского сада в Головино нет. Школьное здание выкупил один из жителей села, детсадовское сгорело.

Почти целый день провели мы в Головино, но детей на сельских улицах и дворах почти не увидели. Молодые семьи здесь можно пересчитать по пальцам. Но есть и добрые примеры. Недавно, уволившись из правоохранительных органов, вернулся в село сын Сергея Русакова Александр, стал помогать отцу. Теперь Сергей Иванович уверен – будет кому передать хозяйство. Русаковы подумывают расшириться, взять дальневосточный гектар. Дай бог, чтоб все у них получилось.

Ирина Манойленко

Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 28.06.2017

Родная наша Белгородчина

Не в первый раз приходится сталкиваться с тем, что села или поселки, находящиеся на территории области, свои даты рождения отмечают дважды

Белгородское тоже в этом списке. В нынешнем году, по одним подсчетам, селу исполняется 120 лет, а по другим – 55. В 1897 году в этих местах появилась заимка охотника Шилова, переросшая в хутор Шиловский. Незадолго до войны на хуторе объявились еврейские переселенцы и создали колхоз «Ройтер штерн» («Красная звезда»). Война помешала планам колхозников, почти все они были призваны на фронт.

В пятидесятых годах хутор стал называться первым отделением Смидовичского совхоза. А 12 октября 1962 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР совхозное отделение обрело новое название – село Белгородское. Почему Белгородское, тоже есть две версии. В справочнике «Административно-территориальное устройство ЕАО» утверждается, что название селу дано по обнажениям светлого кварцевого песка по склонам долины реки Ин. По другой версии, село назвали так потому, что сюда переехало в послевоенные годы много переселенцев из Белгородской области. Обе версии имеют место быть.

Совхозным отделением Белгородское оставалось и со своим новым названием – вплоть до девяностых годов, пока существовал совхоз. Здесь выращивали хорошие овощи и другие сельхозкультуры, развивали молочное животноводство.

В начале 2000-х в селе создали подсобное хозяйство УИНа, дабы обеспечить свежими продуктами питания места лишения свободы. Просуществовало хозяйство недолго. Сегодня на бывших совхозных землях трудятся китайские арендаторы. Коренные жители Белгородского сельскими тружениками быть перестали.

Екатерина Романовна Иванова – старейшая жительница села, единственная в Белгородском труженица тыла. Живет баба Катя на одной из тринадцати сельских

улиц – Первомайской. Дом большой, построенный еще при совхозе. Много лет муж Екатерины Романовны Лаврентий Геннадьевич Иванов был управляющим первого совхозного отделения, а по сути – хозяином села. Его помнят как справедливого человека, толкового руководителя, при нем Белгородское прожило свои лучшие годы.

В свои 88 лет Екатерина Романовна сохранила хорошую память. Она хорошо помнит еврейских переселенцев – колхозников, с приездом которых жизнь в селе оживилась.

– С Маней и Борисом Кацами мы подружились, в гости друг к другу ходили. При еврейском колхозе кино у нас появилось, вечерами танцы устраивала молодежь.

В войну Кате пришлось работать почти наравне со взрослыми, да еще и учиться. Почти шестьдесят лет трудового стажа наработала. Мужа похоронила, дети и внуки живут в Хабаровске, но постоянно навещают. Зовут к ним переехать, но Екатерина Романовна твердо настроена доживать в своем доме, в родном селе. Обидно бабе Кате, что от их некогда большой, оживленной улицы осталось всего несколько домов: «А ведь и детский садик на нашей улице был, и магазин большой, и домов много стояло».

Детский садик в селе сохранился, а магазинов теперь целых три, и все на одной улице – Шоссейной, которая находится на оживленной трассе Чита – Хабаровск. В одном из них продают знаменитые белгородские пирожки, пользующиеся популярностью у проезжающих. В девяностые годы, оставшись без работы, многие местные жительницы сделали пирожки источником дохода, торговали ими прямо на трассе или в вагонах пригородных поездов. Потом эту инициативу подхватил хозяин одного из сельских магазинов, а местные безработные теперь возят в Хабаровск овощи со своего огорода, торгуют грибами и дикоросами.

Постоянную работу, кроме магазинов, в Белгородском можно найти лишь в детском саду и учреждениях культуры.

Валентина Ивановна Косова работает много лет в сельском Доме культуры. В Белгородском она родилась и выросла, школу, правда, пришлось заканчивать в поселке Смидович – своей, даже начальной, в селе не было и нет. Очень любила кино и потому решила стать киномехаником.

Она вспоминает, насколько востребованной была в свое время ее профессия:

– Когда привозила новый фильм, народу приходило столько, что мест не хватало. И многие шли со своими стульями. Доярки прямо с фермы торопились в клуб, овощеводы с поля приезжали. И на детских сеансах зал никогда не пустовал, детей в селе было много.

Свой последний киносеанс Валентина отвела в 2002 году. Сейчас она руководит сельским очагом культуры. Для ребятишек организовала кукольный театр «Улыбка», для пожилых сельчан – клуб «Ивушка».

– Кукол сами шьем из подручного материала, вот такие они у нас получаются, – показывает она персонажей известной сказки. – Со своими спектаклями и концертами в нашем детском саду выступаем, в Смидовиче. Без «Ивушки» ни одно мероприятие не проходит в селе.

Правда, собрать людей на большие массовые мероприятия, как когда-то в кино, сейчас очень трудно. Особенно зимой – отопление здесь электрическое, а здание старое, приходится экономить. Экономят и на зарплатах директора ДК и библиотекаря.

– Я работаю на полставки, а у библиотекаря рабочий день продолжается всего один час 45 минут, – поделилась Валентина Косова.

Знали, что культуру на селе подрезают, но чтобы так! Хорошо, что еще не закрыли культурный очаг, что он еще теплится. Именно что теплится: пока мы общались с директором ДК, холод пробрал до костей, хотя на дворе стояла середина мая.

– В прошлом году у нас в селе, рядом с Домом культуры, открыли памятник воевавшим односельчанам.

– На открытие ожидалось много высоких гостей, а у нас в ДК зайти было страшно – ремонта давно не было. Чтобы не ударить в грязь лицом, нашли деньги на ремонт. Региональное отделение «Единой России», лично Анатолий Федорович Тихомиров подарили нам музыкальный центр и компьютер, – рассказала Валентина Ивановна.– А в этот День Победы денег даже на скромные подарки труженикам тыла и детям войны не было, хотя их у нас немного осталось.

Труженицей тыла была мать Валентины Евдокия Михайловна Шкурко, работавшая в передовой овощеводческой бригаде. Дядя по отцу Петр Максимович Шкурко был участником Сталинградской битвы, после войны прожил недолго. Его фамилия выбита на сельском обелиске. Десять жителей села не вернулись с войны, около двадцати фронтовиков ушли из жизни в последние годы.

Не осталось в селе ни одного участника войны, уходят в иной мир и те, кто ковал Победу в тылу.

– Только недавно трое наших ветеранов умерли. Сейчас в селе проживает 65 пенсионеров, но среди них мало даже тех, кто детьми пережил войну – одни не дожили до наших дней, других дети забрали к себе. Вы ведь видели брошенные дома – там пожилые люди жили, – констатирует печальную статистику председатель Совета ветеранов Белгородского Любовь Алексеевна Швецова.

Есть ли у села будущее? Чтобы его увидеть, мы решили заглянуть в детский сад.

– 21 ребенок у нас, все дети находятся в одной группе, – сообщила заведующая садиком Раиса Викторовна Нагорная. – Стараемся, чтобы дети не были обделены ни хорошим питанием, ни игрушками, ведь родительская плата у нас небольшая –83 рубля в день.

После ликвидации совхоза садик в селе сохранили. Но число детей за это время уменьшилось в восемь (!) раз.

– Когда я 27 лет назад пришла в этот детсад работать – он тогда еще совхозным был, здесь находилось пять групп по 32 ребенка в каждой, то есть 160 детей, – вспоминает наша собеседница. – Условия по тому времени были просто идеальные – красивые ковры, цветной телевизор, много игрушек. Совхоз не жалел денег для детей, почти все расходы по содержанию детсада брал на себя. Сейчас наш садик муниципальный и средства на него пока находятся. Надеемся, что так будет и впредь.

Экономику села сегодня двигают в основном китайцы. На бывших совхозных полях они выращивают сою, овощи и … виноград.

– В прошлом году продавали его – вкусный, как будто на юге вырос, – восхищаются сельчане.

Китайцы выращивают и свое продолжение – в одной из сельских семей подрастают трое ребятишек-метисов, на подходе четвертый.

Вот так живет-поживает наша маленькая Белгородчина. От былых времен остались кирпичные дома-коттеджи, украшающие главную улицу. А неглавные улицы ветшают и хиреют – от Строительной остался один дом, от Первомайской – три, а Новая совсем уже не новая.

Не только от совхозного, но и от сельского коровьего стада почти ничего не осталось.

– Всего две коровы у нас на все село – у Сычевых и у Шкурко. Пасти негде, все распахали кругом, – так объясняли жители села свое нежелание заниматься домашним животноводством.

Белгородское находится в семи километрах от районного центра – Смидовича, но преодолеть эти километры непросто – местный автобус сюда не ходит, а междугородние чаще всего не останавливаются. Поэтому тем, кто не имеет собственного транспорта, просто нереально устроиться на работу в райцентре.

Кстати, выходцев из Белгородской области в селе-тезке почти не осталось. По крайней мере, нам таковых встретить не довелось.

Ирина Манойленко

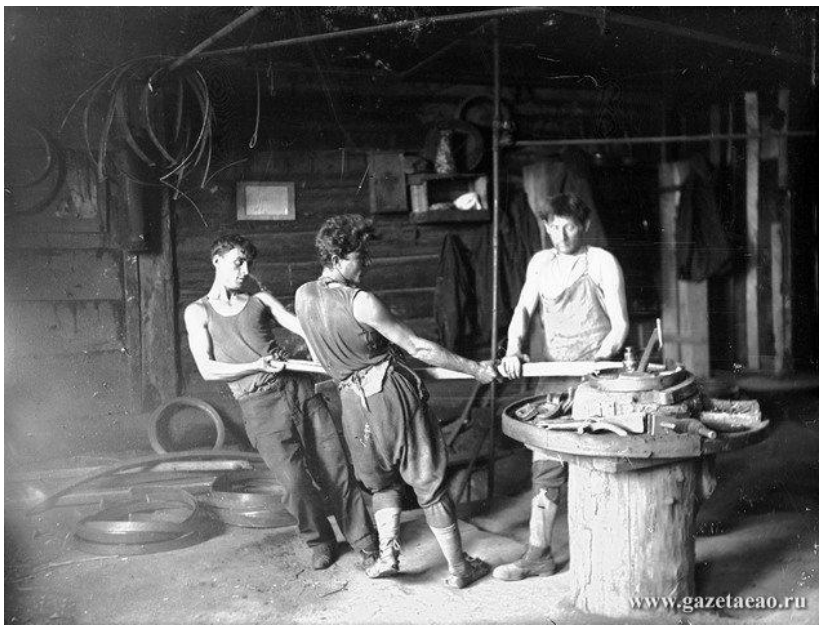
Опубликовано в «Биробиджанер штерн» 24.05.2017

И город такой молодой

Второго марта 1937 года на карте Советского Союза появился еще один город. Им стал Биробиджан

Такое название уже до этой даты носил рабочий поселок. А так как центр Еврейской автономной области должен был динамично развиваться и иметь в перспективе не менее 50 тысяч человек населения, то само собой он должен был получить статус города, что и произошло восемьдесят лет назад.

Конечно, городом его в современном понимании можно было назвать разве что с большой натяжкой. Каким он тогда был, узнаем из так называемого паспорта, составленного в канун переименования его из поселка в город. Вот каким он был тогда.



Цех гнутой мебели фабрики им. Димитрова. 1936 г.
(Фото Л. Гершковича)

Цитируем текст паспорта рабочего поселка Биробиджана в канун получения им нового статуса: **«… селение основано в 1912 году. Общая площадь земель в пределах поселения 37500 га, в том числе под застроенными кварталами – сто га, улицами, проездами, площадями – тридцать гектаров.**

Жителей – 12 тысяч человек, в том числе работающих в промышленности – 840, в строительстве – 1292 человека.

Количество крупных промышленных предприятий – 12 (электростанция, кирпичный завод №1, кирпичный завод артели «Кирпичики», два лесозавода, швейная и мебельная фабрики, трикотажное производство, пекарня и др.).

Жилой фонд – 36 597 квадратных метров, автобусов – три, протяженность освещенных улиц – один километр, общее число уличных точек горения – 10, одно почтовое отделение и 400 слушательных радиоточек; телефонных станций – одна, абонентов – 530.

Начальных школ – три, средних – две, техникумов – три; театр на 493 места, пять киноустановок при клубах, библиотека; больница на 80 коек, в ней работают пять врачей, амбулатория, обслуживают врачей – два, здравпункт на предприятии с одним обслуживающим врачом; выпускаются две газеты («Биробиджанская звезда», «Биробиджанер штерн»)».

Следует сказать, что Биробиджан того времени развивался не абы как, а при заботе и поддержке союзного правительства того времени. Об этом свидетельствует, к примеру, постановление Совнаркома СССР от 1 октября 1934 года. В нем, в частности, указывалось: **«… ввести в эксплуатацию к 1 января 1936 года новый корпус швейной фабрики, рассчитанной на две тысячи рабочих; построить ремонтно-механический завод, начать строить в 1935 году и закончить в 1936-м трикотажную фабрику, рассчитанную на переработку 500 тонн сырья, построить обувную фабрику, которая будет выпускать 500 тысяч пар обуви в год; построить областную типографию…».**

На этом можно завершить вступительную часть этих заметок. Сегодняшнего читателя может заинтересовать, вероятно, как жили в ту пору обычные биробиджанцы, чем гордились и чему радовались, чему огорчались или негодовали, как проводили свободное время, ну и, само собой, как трудились на производстве. Лучше всего об этом расскажут выходившие в ту пору газеты «Биробиджанер штерн» и «Биробиджанская звезда», воспоминания первостроителей города, некоторые архивные документы.

Все начиналось с венского стула

В пору своего экономического развития в Биробиджане действовало около двадцати промышленных предприятий, и по этому показателю областной центр не имел, пожалуй, равных себе среди городов с населением менее ста тысяч человек.

Любопытна история первого промышленного предприятия, возникшей здесь артели, выпускавшей венские стулья. Ее основали мебельщики украинского местечка Малин. В 1930 году решено было послать на станцию Тихонькая двух ходоков. Выбрали самых авторитетных и рассудительных Д. Звенигородского и А. Дудкина. Они благополучно добрались до конечного пункта своего пути. Дальневосточный сентябрь поразил их великолепием. Природа, казалось, надела свой лучший убор. Старожилы угощали «разведчиков» вкусным картофелем, сочными помидорами, вареной кукурузой. Так ходоки получили ответы сразу на два вопроса, которые им было поручено выяснить: каков климат, плодородна ли земля в предполагаемых местах переселения?

Достаточно было и сырья для изготовления гнутой мебели, и торговые организации Хабаровска готовы были заключить договор на любое количество стульев. Из Малина телеграфировали: «Приступайте строить фабрику». После недолгих поисков выбор ходоков остановился на двухкомнатном домике. Вот так начиналась промышленность Биробиджана.

Долгие годы после зарождения промышленности базовым сырьем оставалась древесина. Было создано более десяти промысловых артелей, которые выпускали для строительных нужд брус, доску, штакетник, дранку, фанеру. Было освоено

собственное производство мебели. А такое крупное по тем временам предприятие, как обозный завод, широко использовал древесину для выпуска ломовых телег, саней, бричек, пролеток, другого гужевого транспорта.

Работали по-стахановски

На всех производствах, начиная с 1935 года, развернулось так называемое стахановское движение за высокую производительность труда на каждом рабочем месте. Вот лишь одна газетная заметка «Стахановцы фанерного завода». **«Бригада парильщиков тов. Берлина, снабжающая лущильный цех пропаренными чурками, должна состоять из пяти человек и ежедневно давать 13 с половиной кубометров продукции. В этой бригаде работают три человека, но благодаря стахановским методам работы они ежедневно дают 26 – 27 кубометров, а упаковщик Юрковский выполняет дневное задание на 320 – 330 процентов…».**

И такие примеры неподдельного трудового энтузиазма и самоотдачи местные газеты приводили почти в каждом выпуске.

Главный озеленитель – Иосиф Штейн

Биробиджанцы 1930-х годов жили, конечно, не только работой. Им хотелось видеть свой город благоустроенным, зеленым, ухоженным и с правильными городской архитектурой и планированием жилой зоны. Вот этим как раз и был озабочен председатель горсовета (по-нынешнему мэр) Израиль Гольдмахер (кстати, в нашей газете многие годы работал сын Израиля Гольдмахера Борис, участник Великой Отечественной войны и участник штурма Берлина).

Вот что заботило председателя горсовета: **«До сих пор нет генерального плана строительства нашего областного центра. В результате мы не знаем, что будет со Вторым Биробиджаном, в каком направлении должен строиться и развиваться город. Отсутствие генерального плана отрицательно сказывается на планировании и размещении строительства новых зданий».**

А вот с озеленением молодого Биробиджана было получше. Наша газета сообщала: **«Биробиджанский горзелентрест принимает заказы на посадку деревьев и кустарников в городе; на устройство газонов, цветочных клумб, на выращивание цветочной рассады и комнатных цветов. Об условиях узнать в конторе горзеленстроя по адресу: ул. Калинина, дом № 5».**

Зеленстроевцы и горкомхоз во главе с Иосифом Штейном добились своего – Биробиджан вскоре стал одним из самых озелененных городов Приамурья.

Особой заботой Штейна был в то время парк культуры и отдыха. В летние вечера его танцевальная площадка была заполнена молодежью. Люди постарше шли в кинотеатр, где демонстрировались новинки отечественного кинематографа. Причем в выходные дни фильмы начинали крутить еще до обеда – сначала для

детей, потом показывали четыре «взрослые» ленты, а последний сеанс заканчивался уже в полночь. Длительное время не было ни одного свободного места в кинозале, когда демонстрировался первый антифашистский фильм «Семья Оппенгейм» с участием С. Михоэлса. Поклонники театрального искусства, как вспоминали позже журналисты-ветераны Д. Шавер, Л. Славский, А. Мордухович, по два, а то и по три раза ходили на спектакли Биробиджанского Государственного Еврейского театра «Ди кунилемлех» (музыкальный водевиль в 4-х актах), «Без вины виноватые», «Простая девушка», «Моя мать», «Пир» и другие.

О блате, гороховой похлебке и дезорганизаторах

Жили тогда биробиджанцы еще бедновато, да еще при дефиците некоторых продовольственных и промышленных товаров. «Процветал» так называемый блат, когда нужные люди получали этот дефицит из-под прилавка. Вот один из таких эпизодов, встреченных при чтении газет того времени. В промтоварный магазин поступила партия остродефицитных патефонных пластинок. За ними выстроилась большая очередь, значительная часть которой осталась без желанной покупки – продавцы объявили, что все пластинки проданы. Однако в обеденный перерыв с «черного» хода в магазин пошли один за другим работники Евторга, для которых «нашлись» лишние пластинки.

А вот пример плохого обслуживания в общественном питании, о чем написал в своей заметке С. Рассовский. **«В биробиджанском городском кафе ежедневно бывают сотни посетителей. Но как оно обслуживает их, как дирекция борется за улучшение работы кафе? Надо прямо сказать, что плохо. На получение обеда приходится затрачивать иногда более часу времени, так как штат подавальщиц недостаточный, и они не успевают своевременно обслужить всех посетителей. Качество обедов также неважное. Суп гороховый представляет собой что-то похожее на болтушку, подается не горячий, а чуть теплый. Борщ – редкое явление. Гарнир ко всем вторым блюдам однообразен: макароны, гречка; другого гарнира ко вторым блюдам не бывает. Посетители выражают недовольство работой кафе и требуют жалобную книгу, но ее не всегда можно получить, ибо без санкции директора она не выдается…».**

В то время жестко поступали с нарушителями трудовой дисциплины. Процитируем еще пару публикаций из местных газет «Прогульщики уволены», «Дезорганизаторы изгнаны с производства»: **«На станции Биробиджан уволены с работы прогульщики: весовщик Медведев и сцепщик Соловьев. Поступки этих разгильдяев обсуждались на планерках всех служб станций. Также за явку на работу в пьяном виде был переведен из составителей в скутчики рабочий Кунин…». «На первом участке строительства роддома несколько рабочих бросили работу, этим самым сорвали выполнение производственной**

программы…». «По приказу начальника стройконторы т. Филиппова за самовольный уход с работы, пьянство снята и отдана под суд группа дезорганизаторов производства».

Виктор Горелов

Опубликовано в газете «Биробиджанер штерн» 5.04.2017